

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Факультет послевузовского профессионального образования

Специальность юриспруденция
Кафедра теории и истории
государства и права;
международного права
Специализация государственное право

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

Выполнила студентка
3 курса 2 группы
Кисарова В.А.

Научный руководитель
доцент
Красов С.И.

Допустить к защите
Зав.кафедрой
(уч.степень)
Ф.И.О.

«___»_____200__г.

Работа защищена
«___»_____200__г.
Оценка_____

Председатель ГАК

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1 Современная правовая система в условиях глобализации.....	6
1.1 Роль международного права. Экономические и политические предпосылки развития единой правовой системы.....	6
1.2 Роль государства, международных организаций и межгосударственных объединений в образовании единой правовой системы.....	10
1.3 Развитие и взаимное влияние международного и национального права в условиях глобализации.....	19
2 Место международного частного права в мировой правовой системе....	24
2.1 Основные теории, определяющие правовую природу МЧП.....	24
2.2 Субъекты, предмет и объект регулирования МЧП.....	37
2.3 Источники МЧП и методы его регулирования.....	45
3 Место международных договоров и общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе РФ.....	56
3.1 Международные договоры в правовой системе РФ.....	56
3.2 Общепризнанные принципы и нормы международного права и правовая система РФ.....	65
Заключение.....	73
Список используемых источников.....	76

Введение

Окончание второго тысячелетия современной эры в истории человечества совпадает с началом нового этапа развития международного права. Рассуждения о пользе международного права или сомнения в его необходимости сменяются всеобщим признанием этой правовой системы в качестве объективной реальности, которая существует и развивается независимо от субъективной воли людей.

Генеральная Ассамблея ООН приняла в 1989 году резолюцию 44/23 «Десятилетие международного права Организации Объединенных Наций». В ней отмечается вклад ООН в содействие «более широкому принятию и уважению принципов международного права» и в поощрение «прогрессивного развития международного права и его кодификации». Признается, что на данном этапе необходимо укреплять главенство права в международных отношениях, для чего требуется содействовать его преподаванию, изучению, распространению и более широкому признанию. Период 1990-1999 годов был провозглашен ООН Десятилетием международного права, в течение которого должно произойти дальнейшее повышение роли международно-правового регулирования в международных отношениях.

Вторая половина двадцатого столетия свидетельствует о непрерывном усилении взаимного влияния международного права и мировой экономики. Желание государств раздвинуть свои границы для свободного передвижения товаров, услуг и капиталов привело к появлению различных форм международной экономической интеграции. Бурное развитие новых технологий в сфере коммуникации, транспорта и связи, успехи в освоении космоса привели к расширению сотрудничества в самых различных сферах, увеличению объема общения и контактов между людьми независимо от их гражданства и места проживания. Вместе с тем научно-технический прогресс имел и отрицательные последствия, например загрязнение окружающей среды, которое уже не ограничивается территорией какого-либо одного государства. «Современная мировая экономика все более отчетливо

приобретает ...характер единого, целостного, комплексного организма - глобального по своим масштабам и далеко идущим последствиям. Поступательное движение глобализационных процессов требует новых ответов на сложнейшие вопросы об основных характеристиках глобализационного процесса и правового измерения мира, особенно по поводу динамики соотношения и взаимовлияния национального и международного права. В условиях глобализации одной из важнейших проблем становится избежание коллизий, опасных столкновений интересов международного и внутреннего права, что требует своевременной правовой регламентации и соответствующего правового регулирования отношений между различными субъектами международного права».¹

Необходимо также отметить, что, по мнению И.И.Лукашука «глобализации уделяют значительное внимание экономисты, политологи, социологи, философы. Они констатируют серьезные изменения, происходящие в обществе и государстве в результате глобализации. К сожалению, юристы не проявили интереса к изучению влияния глобализации на государство и право. Это не может не вызывать озабоченности, поскольку такое влияние возрастает, сказывается на характере и функциях государства и права, как внутреннего, так и международного, не говоря уже об их взаимодействии».²

В этой связи изучение сложных и тонких нюансов соотношения и взаимодействия международного публичного и международного частного права приобретают особенную актуальность. Ведь именно международное частное право регулирует общественные отношения, возникающие при взаимодействии различных национальных правовых систем. При этом необходимо отметить, что современные процессы интеграции государств обуславливают и процессы унификации их национальных правовых систем. «Происходящая в современную эпоху правовая конвергенция как бы собирает вместе, интегрирует, зачастую в специфических, модернизированных формах, достоинства основных, базовых мировых юридиче-

¹ Фархутдинов И.З. Глобализация и геоэкономика, Законодательство и экономика, 2004, №4, стр.15

² Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации, Журнал российского права, 2002, N 3, стр. 117-118

ских систем».³ Этот процесс отражает стремление государств к выработке единой правовой системы, что возможно только на основе международного публичного права. Этот факт отмечен французским ученым Рене Давидом: «В мире, где международные связи расширяются из года в год, важно создать для них прочную правовую основу. Разным странам следует достичь согласия и установить, что повсюду к тому или иному виду отношений будут применяться одинаковые нормы. Государства должны выработать и принять в каждой области единообразные нормы».⁴

На актуальность исследуемой темы указывает и Л.П.Ануфриева: «Процессы интернационализации международной хозяйственной жизни, с одной стороны, и общее русло социальной, политической и экономической деятельности государств, правительств, международных организаций, объединений лиц и граждан в направлении к трансформации в единую взаимоувязанную глобальную систему отношений и связей - с другой, заставляют ныне еще и еще раз задуматься, в чем же состоят цели, объект и сфера регулирования международного публичного права (МПП) применительно к сопоставлению с международным частным правом (МЧП), особенно, когда речь заходит о правовом положении юридических и физических лиц, ответственности государств перед кругом частноправовых субъектов, которые имеют различную государственную принадлежность и ведут экономическую деятельность на территориях нескольких стран».⁵

Итак, целью данной дипломной работы является исследование соотношения международного публичного и международного частного права. Для достижения данной цели необходимо исследовать их взаимосвязь и взаимовлияние, установить правовую природу международного частного права, рассмотреть предмет его регулирования, субъектный состав и источники, а также проанализировать дальнейшие пути развития международного права на современном этапе.

³ Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития - надежда и драма современной эпохи, М.: Статут, 2000, стр.236

⁴ Давид Р. Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности, М., Международные отношения, 1999, стр.14

⁵ Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права, Журнал российского права, 2001, N 5, стр. 115

1 Современная правовая система в условиях глобализации

1.1 Роль международного права. Экономические и политические предпосылки развития единой правовой системы

Роль международного права в складывающемся в настоящее время новом миропорядке трудно переоценить. Сама идея создания такого единого мироустройства не нова. Еще в 1900 году на Международном конгрессе сравнительного права, проходившем в Париже в рамках Всемирной выставки, Э.Ламбер предложил разработать через сравнительный анализ национальных правовых систем так называемое вселенское право, единое для всего человечества. Последующие мировые войны существенно подорвали веру в возможность его создания. Но в свете глобализационных процессов нового тысячелетия предложение Э. Ламбера выглядит не столь уж утопичным. Сейчас уже большинство теоретиков признают необходимость преобразования глобальной системы международных отношений. Но при этом взгляды на то, какой должна быть новая система и каковы пути ее создания далеки от единства. Новизна складывающихся условий настолько существенна, что опыт прошлого может быть использован лишь в ограниченной мере. Г.Киссинджер характеризует сложившуюся ситуацию так: «Ни одна из наиболее важных стран, которые должны строить новый мировой порядок, не обладает каким-либо опытом в отношении появляющейся системы со множеством государств. Никогда ранее новый мировой порядок не формировался на базе столь различных концепций или в таком глобальном масштабе».⁶

Существует мнение, что глобализационные процессы касаются только экономики, но несостоятельность такой точки зрения очевидна. Действительно, «движущей силой глобализации выступают высокие наукоемкие технологии, которые облегчают международный обмен, приводят к увеличению доли экспорта и импорта, включают региональную экономику в систему всемирного разделения труда. Это, в свою очередь, приводит к всеобщей либерализации внешней торговли и

⁶ Цит. по: Лукашук И.И. Мировой порядок XXI века, Международное публичное и частное право, 2002, №1, стр.5-6

денежных рынков различных стран, к интернационализации производства и сетей сбыта продукции, к быстрому и широкому освоению технологий, благодаря которым международные потоки товаров, услуг и капитала становятся беспрепятственными и идущими с более высокими скоростями. Промышленное производство вовлеченных в этот процесс государств подвергается реорганизации, поскольку продукция отдельных стран перешагивает через их границы, а предприятия выходят на финансовые рынки мира. В условиях глобализации структура производства и финансов различных стран становится взаимосвязанной и взаимозависимой. Процесс сопровождается ростом числа заграничных трансакций, а эффектом является новое международное разделение труда, в котором создание национального богатства в большей степени зависит от хозяйствующих субъектов других стран. ... Специалисты единодушны в том, что сегодня завершается формирование единых мировых финансовых и информационных систем, центров регулирования мировой экономики».⁷

Фактически происходит стирание границы между внутренней и внешней экономической деятельностью государств, но наряду с этим явлением наблюдается также процесс экономической регионализации - формирования устойчивых региональных обособленных хозяйственных структур. Процесс экономической интеграции в рамках регионального сотрудничества - явление не новое, но в настоящее время региональные интеграционные союзы объединенными усилиями стали представлять и отстаивать на мировой арене свои региональные интересы.

Необходимо также отметить феномен так называемого транснационального права, под которым понимают «совокупность правовых норм, регулирующих «действия или события», выходящие за пределы национальных границ, или, точнее, - отношения международного характера, которые по своему субъектно-объектному составу не подпадают под действие ни международного права, ни внутригосударственного права, не могут быть ими полностью охвачены. В связи с этим транснациональное право рассматривают в качестве «третьей правовой сис-

⁷ Фархутдинов И.З. Глобализация и геоэкономика, Законодательство и экономика, 2004, №4, стр.7,9

темы» (после внутригосударственного права и МП)». ⁸ По мнению В.М.Шумилова трансграничное право является переходным этапом «на пути создания мирового права». ⁹

В этой связи И.З.Фархутдинов справедливо замечает, что «транснациональные компании используются в качестве механизмов переплетения, состыковки, согласования частных интересов, как средство освоения иностранных, международных товарных, инвестиционных, финансовых рынков на микроуровне международных экономических отношений. Многонациональные предприятия - это своего рода ударная сила, применяемая развитыми государствами в своей внешней экономической политике при обеспечении долгосрочных стратегических государственных интересов. Способами согласования и взаимосвязки публичных интересов на макроуровне является экономическая интеграция государств, т.е. процесс хозяйственного объединения стран на основе разделения труда между национальными экономиками, развития устойчивых взаимосвязей между ними. Фактически речь идет о создании прозрачных экономических границ и соответственно ограничении суверенитета государств в целях совместного решения общих задач и проблем». ¹⁰

Таким образом, можно констатировать, что в результате происходящих процессов глобализации и региональной интеграции возникла потребность с одной стороны в создании единого экономического пространства, а с другой - в соответствующей регулирующей правовой системе.

В Концепции внешней политики Российской Федерации отмечается, что в настоящее время «сложилась устойчивая ориентация подавляющего большинства государств на рыночные методы хозяйствования и демократические ценности. Осуществление крупного прорыва на ряде ключевых направлений научно-технического прогресса, ведущего к созданию единого общемирового информационного пространства, углубление и диверсификация международных экономических связей придают взаимозависимости государств глобальный характер. Соз-

⁸ Шумилов В.М. Международное экономическое право, М: Изд.ДеКА, 1999, стр.42

⁹ Шумилов В.М. там-же, стр.42

¹⁰ Фархутдинов И.З. Глобализация и геоэкономика, Законодательство и экономика, 2004, №4, стр.17

даются предпосылки для построения более стабильного и кризисоустойчивого мирового устройства». Признается, что «Россия заинтересована в стабильной системе международных отношений, основанной на принципах равноправия, взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества. ...Главным приоритетом внешней политики Российской Федерации в сфере международных экономических отношений является содействие развитию национальной экономики, которое в условиях глобализации немыслимо без широкого включения России в систему мирохозяйственных связей. Для достижения этой цели необходимо» в том числе «формировать комплексную систему российского законодательства и международную договорно-правовую базу в экономической сфере».¹¹

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что «правовое измерение глобализирующегося мира побуждает к переосмыслению и пересмотру всей системы правового регулирования международных отношений в различных

12

сферах» и особо отметить значение международного публичного права как основы этой формирующейся глобальной правовой системы.

¹¹ Концепция внешней политики Российской Федерации, Российская газета, 11.07.2000 г., №133

¹² Фархутдинов И.З. Глобализация и геэкономика, Законодательство и экономика, 2004, №4, стр.18

1.2 Роль государства, международных организаций и межгосударственных объединений в образовании единой правовой системы

Оговоримся сразу, что единая правовая система, о которой идет речь, не имеет ничего общего с теориями единого государства, влекущими за собой изменение самого понятия государственности или даже исчезновение национального государства. Речь идет об открытости государства для международного сотрудничества, его способности воспринимать новые моменты в мировом развитии и приспособливаться к ним.

«Государства вынуждены совместно решать не только международные проблемы, но и задачи, которые еще вчера были чисто внутренними. Все большее количество общественных отношений выходит за пределы государственных границ, и их регулирование возможно только путем взаимодействия государств.

Углубление взаимосвязанности государств ограничивает их свободу выбора в области как внешней, так и внутренней политики. Для решения своих национальных и интернациональных задач государство нуждается в активном международном сотрудничестве. Политика государства в целом в растущей мере определяется его местом в международной системе. Глобализация расширяет сферу функциональной ответственности государства и одновременно ограничивает его способность самостоятельно решать возникающие проблемы. В этом видится одно из основных противоречий современного государства. Единственный путь его преодоления - высокий уровень сотрудничества.

Неспособность государства самостоятельно решать растущее число своих проблем явилась питательной средой для теорий, предрекающих коренное изменение самого понятия государственности или даже исчезновение государства. Пишут об упадке роли государства как главного образования общества и даже констатируют конец национального государства и т.п.»¹³

Непонимание или принижение роли государства служат основой для тезисов о том, что система национальных государств постепенно вытесняется миром

¹³ Лукашук И.И. Глобализация и государство, Журнал российского права, 2001, N 4, стр.х

транснациональных корпораций, а глобальная политика отделяет управление от государства и его органов власти.

«Чем более сложным становится общество, тем сильнее роль его организации. При этом речь идет не только о внутреннем управлении, но и регулировании внешних связей общества и, наконец, о поддержании международного правопорядка», - справедливо полагает И.И.Лукашук.¹⁴

Роль государства в условиях глобализации нашла достаточно основательное отражение в практике ООН. В докладе Генерального секретаря Б.Бутроса-Гали «Повестка дня для мира» указывалось на «большое значение и необходимость суверенных государств как основных единиц международного сообщества».

Генеральный секретарь ООН К.Аннан говорит, что «государства должны прочно осознать свою двойную роль в нашем глобальном мире. В дополнение к своей самостоятельной ответственности, которую каждое государство несет в отношении своего общества, государства совместно являются гарантами нашей общей жизни на этой планете... Нет ни одного образования, способного конкурировать или заменить государство».¹⁵

По данному вопросу представляется верной позиция И.И.Лукашука: «Государства являются основным элементом механизма управления международной системой. Они обеспечивают управление на национальном уровне и наделяют соответствующими полномочиями международные органы и организации, осуществляющие его на интернациональном уровне. Эти положения имеют принципиальное значение для определения путей развития международного права. Оно остается межгосударственным правом и именно в таком качестве должно развиваться».¹⁶

«Глобализация предъявляет повышенные требования к компетенции государственного управления, качеству правового регулирования всего комплекса общественных отношений» - отмечает И.З.Фархутдинов.¹⁷

¹⁴ Лукашук И.И. Глобализация и государство, Журнал российского права, 2001, N 4, стр.х

¹⁵ По статье Лукашук И.И. Мировой порядок XXI века, Международное публичное и частное право, 2002, №1, стр.8

¹⁶ Лукашук И.И. Глобализация и государство, Журнал российского права, 2001, N 4, стр.х

¹⁷ Фархутдинов И.З. Глобализация и геоэкономика, Законодательство и экономика, 2004, №4, стр.12

«В формировании глобальной правовой системы сделаны важные, но лишь первые шаги. Процесс будет длительным и сложным. При этом ее не следует понимать упрощенно, как означающую стандартизацию национальных правовых систем. Такое понимание весьма распространено среди западных политиков и ученых, полагающих, что правовые системы всех стран будут перестраиваться по западному образцу, - совершенно справедливо считает И.И.Лукашук. Документы ООН подчеркивают значение сохранения многообразия цивилизаций. В Декларации тысячелетия ООН говорится: «Различия внутри обществ и между ними не должны ни вызывать опасений, ни подавляться, они должны оберегаться как ценный вклад в человеческую цивилизацию. Культуру мира и диалог между всеми цивилизациями следует активно поддерживать».

Речь идет о создании такой глобальной правовой системы, которая обеспечила бы нормальное функционирование как взаимосвязанных национальных обществ, так и мирового порядка, способного создать условия для решения глобальных проблем. Она будет опираться на принципы демократии, общепризнанные права человека и верховенство права. Это подчеркивается и упомянутой Декларацией ООН: «Мы не пожалеем усилий для поддержки демократии и верховенства права, а также уважения международно признанных прав человека и основных свобод, включая право на развитие».

Представляется правильным мнение Ю.А.Тихомирова о том, что: «с точки зрения общей теории право можно рассматривать в качестве единого социального явления. . . Две плоскости жизни права позволяют вести речь о внутреннем праве, окрашенном отнюдь не только сугубо национальными чертами, и о международном праве, отражающем согласие государств сообща регулировать всеобщие публичные интересы. Их переплетение становится все более органичным. И то и другое проистекает из общего источника - суверенной воли государств согласованно решать публичные дела разного масштаба».¹⁹

¹⁸ Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации, Журнал российского права, 2002, N 3, стр.128

¹⁹ Тихомиров Ю.А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права, Журнал российского права, 2002, N 11, стр.3

В последние десятилетия мировая торговля, экономическое, промышленное и научно-техническое сотрудничество успешно развивались во многом благодаря устранению с помощью международного права многочисленных межгосударственных барьеров на пути торгово-экономического сотрудничества. В этот период экономическими проблемами активно занимались ООН и некоторые ее специализированные учреждения. В 1966 году при ООН была создана специальная Комиссия по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), на которую были возложены функции подготовки новых международных конвенций, типовых законов в целях согласования и унификации права международной торговли. Также необходимо отметить и еще одну международную организацию, занятую в этой сфере, - Международный институт по унификации частного права (УНИДРУА). Институт был основан в 1926 году как вспомогательный орган Лиги Наций, но после прекращения существования Лиги деятельность института была восстановлена в 1940 году на основе многостороннего соглашения. В рамках УНИДРУА были приняты Конвенции по международным факторным обязательствам, о международном финансовом лизинге, об обеспечении единого права о форме международного завещания и другие.

«Источником нормообразования служат постоянные международные форумы. Участники Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) периодически принимают документы или акты, содержащие их согласованные оценки международных ситуаций и направления совместной деятельности. Так, в июне 1990 года принят Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению. Выражено, в частности, пожелание приступить к сравнительному изучению законодательства, административных правил и судебной практики, а также государственных институтов стран-участниц.

В декабре 1991 года представители государств - участников Гаагской конференции по Европейской энергетической хартии приняли текст Хартии. В ней определены цели и сферы деятельности в соответствии с многосторонними соглашениями и обязательствами, в частности создание постоянных и открытых правовых рамок для разработки энергетических ресурсов. Предусмотрена возмож-

ность конкретных соглашений. И все это в пределах государственного суверенитета и суверенных прав на энергетические ресурсы».²⁰

В мире сложились или формируются самые разные межгосударственные объединения, например Европейский Союз, в рамках деятельности которого были приняты Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейская культурная конвенция, Европейская хартия местного самоуправления, служившая основой при подготовке соответствующих национальных Российских актов.

Содружеством Независимых Государств были приняты модельные законы как рекомендательные правовые акты в целях создания единого правового пространства СНГ. Новой ступенью правовой интеграции стал раздел VI «Акты союзного государства» Договора о союзном государстве России и Белоруссии.

«Тенденция последних десятилетий, отражающая усиление глобальных интеграционных процессов в экономической и финансовой сферах и громадную самостоятельную роль крупнейших национальных, транснациональных компаний и корпораций, - разработка ими нового вида кодексов. К их числу можно отнести Международный налоговый кодекс Гарвардского университета, который стал гегемоном в «налоговом мире», корпоративные кодексы МБРР и МВФ, которые трансформируются в нормы национального гражданского и акционерного права».²¹

Примечательным также является все более широкое применение процедур международного правосудия. Активную работу ведут Европейский Суд по правам человека, Международный Суд ООН. Соглашением Совета глав государств СНГ в 1992 г. учрежден Экономический Суд СНГ. В договоре о Евразийском экономическом сообществе содержатся положения о Суде Сообщества. В рамках ВТО в качестве органов по урегулированию споров действуют Генеральный Совет и Апелляционный комитет.

²⁰ Тихомиров Ю.А. Международно-правовые акты: природа и способы влияния, Журнал российского права, 2002, №1, стр.104

²¹ Тихомиров Ю.А., Талапина Э.В. О кодификации и кодексах, Журнал российского права, 2003, №3, стр.52-53

Подписав и ратифицировав Европейскую конвенцию, Россия тем самым согласно ст.46 Конвенции признала «*ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации».²²

На практике это означает, что Российская Федерация как государство - ответчик в случае признания Европейским Судом по правам человека «нарушения того или иного права заявителя, предусмотренного Конвенцией, обязана принять меры как индивидуального характера (восстановление ситуации, которая имела место до нарушения Конвенции - *restitutio in integrum*, например, пересмотр судебного решения, вступившего в законную силу, либо компенсация материального и морального ущерба, если последствия нарушения являются полностью или частично неисправимыми), так и меры общего характера (например, пересмотр некоторых положений внутреннего законодательства, принятие специальных регламентирующих актов и т.д.)».

23

Необходимость функционирования органов международного правосудия подтверждается на практике - со времени ратификации Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в Европейский Суд подано более 13 тыс. жалоб от россиян. При этом «география направляемых в Страсбург индивидуальных жалоб покрывает всю территорию страны без исключений. Можно сказать, что ни один субъект Федерации, ни один орган государственной власти не избежал «привилегии» привлечь внимание Европейского Суда по правам человека. Одновременно ширится география прямого применения Европейской конвенции судами общей юрисдикции, арбитражными судами страны, нередко судами

²² Федеральный закон от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», Российская газета от 7 апреля 1998 г.

²³ Ковлер А.И. Европейское право прав человека, и Конституция России, Журнал российского права, 2004, N 1, стр. 154-155

первой инстанции».²⁴

Таким образом, представляется верным мнение С.А.Горшковой: «Конечно, в деятельности Европейского Суда существуют известные трудности, связанные с поступлением увеличивающегося потока исков. Однако его работа по восстановлению правовой справедливости, по формированию системы единых стандартов в области защиты прав человека, как и авторитет этого судебного органа, вызывают к нему большой интерес. Опираясь в своей деятельности на общепризнанные принципы и нормы, содержащиеся в международных конвенциях и договорах, развивая европейское право, которое является составной частью международного права, Европейский Суд вносит серьезный вклад в совершенствование всей системы международного права в области защиты прав человека».²⁵

Также видится актуальным замечание судьи Европейского Суда по правам человека А.И.Ковлера: «Следует признать, что не все правоведы России с энтузиазмом восприняли признание обязательного характера юрисдикции ЕСПЧ на территории России. До сих пор можно прочесть или услышать, что решения Суда носят, мол, «рекомендательный характер», то есть совсем не обязательны к неукоснительному исполнению, что сам Суд является неким «квазисудебным органом». Особую неприязнь вызывает идея, что индивид является, согласно прецедентам ЕСПЧ, субъектом международного права - эту «еретическую» мысль автор однажды высказал в сообществе юристов-международников, что встретило у многих враждебное неприятие. Между тем подобно тому, что российской правовой доктриной судебный прецедент принят в качестве источника права, юрисдикция Европейского Суда признается сейчас большинством прогрессивно мыслящих конституционалистов и юристов-практиков. Хотелось бы надеяться, что признание международной правосубъектности индивида - тоже дело недалекого будущего».²⁶

²⁴ Ковлер А.И. Европейское право прав человека, и Конституция России, Журнал российского права, 2004, N 1, стр.157

²⁵ Горшкова С.А. Обращения Европейского Суда по правам человека к нормам международных конвенций, Журнал российского права, 2004, N 5, стр. 108

²⁶ Ковлер А.И. Европейское право прав человека, и Конституция России, Журнал российского права, 2004, N 1, стр.155

Роль Европейского суда в формировании глобальной правовой системы огромна. «Единый Европейский Суд и его предшественники - Европейская Комиссия и Европейский Суд по правам человека - построили целостную процессуальную систему и образовали европейское правовое пространство, где к материальным и процессуальным нормам предъявляются требования по соблюдению не только европейских стандартов, но и общепризнанных международных норм в области защиты прав человека. . . Благодаря обращению Европейского Суда к международным конвенциям происходит уточнение и расширение гарантий европейских норм в области защиты прав человека, что находит отражение в развитии европейского прецедентного права в области защиты прав человека. Таким образом, происходит расширение и углубление содержания европейских стандартов в области прав и свобод человека, приобретающих силу норм международной морали и международного права».²⁷

Особо следует отметить, что происходящие во всем мире процессы международной унификации права не означают замену различных национальных правовых систем единообразным национальным правом, принятым в мировом масштабе. В данном случае необходимо только сгладить острые углы, улучшить режим отношений в области международного права путем накопления и применения опыта сравнительного правоведения, который и укажет, какие положения частного права в области защиты гражданских прав более эффективны и универсальны. «Важно выработать единую технику унификации с учетом ее специфики, применяемой в разных странах, и сделать так, чтобы усилия, направленные на унификацию, увенчались максимальным успехом».

Процессы международной унификации права невозможны без единой основы формирующейся мировой правовой системы. Такую основу могут составлять только единые, принятые большинством государств принципы. Это «концентрированно выраженные и обобщенные общепризнанные нормы поведения субъек-

²⁷ Горшкова С.А. Обращения Европейского Суда по правам человека к нормам международных конвенций, Журнал российского права, 2004, N 5, стр.107-108

²⁸ Давид Р. Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности, М., Международные отношения, 1998, стр.14

тов международных отношений по поводу наиболее важных вопросов международной жизни на определенном историческом этапе»²⁹, такие как невмешательство во внутренние дела государств, их суверенное равенство, мирное разрешение возникающих споров, сотрудничество государств, равноправие и самоопределение народов и наций, добросовестное соблюдение международных обязательств, уважение прав и свобод человека и др.

Общепризнанные принципы и нормы международного права составляют основу мировой системы международного права и являются основополагающими источниками международного публичного права. Это единые, поддерживаемые подавляющим большинством государств, сквозные нормы-цели, нормы-принципы, которые определяют формирование правовых норм во всех отраслях международного права. И, хотя они не нашли своего единого документального закрепления, ряд таких правил сложился и успешно применяется. Некоторые из них закреплены в Уставе ООН, в принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1970 г. Декларации о принципах международного права, в акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. и др.

²⁹ Додонов В.Н., Панов В.П., Румянцев О.Г. Международное право. Словарь-справочник (под общей ред. акад. МАИ, д.ю.н. В.Н.Трофимова), М.: Инфра-М, 1997, стр.210

1.3 Развитие и взаимное влияние международного и национального права в условиях глобализации

Существующий уровень развития торговых, финансовых и иных экономических связей между государствами неизбежно приводит к закономерному результату - более тесному сотрудничеству государств, и, как следствие, более тесному взаимодействию международного и национального права.

«Характерная черта современного международного права состоит в том, что осуществление им своих функций возможно лишь при все более тесном взаимодействии с внутренним правом государств. С другой стороны, нормальное функционирование национальных правовых систем зависит от взаимодействия с международным правом. Углубление взаимодействия международного и внутригосударственного права носит характер объективной закономерности, которая отражает более общую закономерность - углубление взаимодействия национального

30

общества с мировым сообществом».

Внутригосударственное право всегда характеризовались интровертностью, обращенностью внутрь государства, внешняя политика же оставалась вне правового регулирования. Видный российский международник Ф.Ф. Мартенс еще в начале XX века с сожалением отмечал, что многие ученые не считают международное право отраслью права и нередко сводят его к регулированию силы в международных отношениях.³¹

«Ныне взгляд на национальное и международное право характеризуется прежде всего утверждением их однопорядковости, хотя и имеющей внутреннюю специфику как систем права (не считая отдельных анахронизмов, проявляющихся в отрицании у международного права не только системности, но и качества права вообще), которым присуща прежде всего нормативность, а также согласованность

³⁰ Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации, Журнал российского права, 2002, N 3, стр. 115

³¹ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов (по изд. 1904 г.). Т.1., М., 1996, стр.10

составляющих элементов»,³² - утверждает Л.П.Ануфриева.

Однако, это не единственный взгляд на проблему соотношения международного и внутригосударственного права. Исторически сложились два основных концептуальных подхода к соотношению внутреннего и международного права. Сторонники преобладающей в настоящее время дуалистической концепции, к которым принадлежит и Л.П.Ануфриева, отстаивают точку зрения, согласно которой наличествуют две самостоятельные, параллельно существующие правовые системы. Сторонники второй, монистической концепции, обосновывают единство двух рассматриваемых правовых систем, признавая, однако, приоритет какой-либо одной из них над другой (теория примата внутреннего права над международным правом или международного - над внутренним).

В обоснование приоритета внутреннего права приводится тезис о том, что каждая страна самостоятельно определяет объем своего участия в делах мирового сообщества в меру связанности международными нормами. Так, например, считает В.Г.Вишняков: «Международное право к тому же производно от государства. Оно выступает в настоящее время в форме национальных государств. Государства создают международное право, а не наоборот. И конституции государств определяют их предметы ведения и компетенцию в области международного права. ... Учредительный договор не может закреплять такие принципы международного права, которые противоречат или наносят ущерб конституционным принципам».³³

Обоснованием противоположной концепции является невозможность отменить действие норм международного права принятием национального закона.

До недавнего времени общее международное право рассматривалось «как относящееся только к межгосударственным отношениям и потому не вступающее в конфликт с внутренним правом. Между тем современное общее, обычное право содержит все больше норм, имеющих прямое отношение к внутреннему праву.

³² Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права (проблемы системной принадлежности и структурного статуса), Журнал российского права, 2001, №6, стр.90-91

³³ Вишняков В.Г. О соотношении норм международного и конституционного права (на примере Белоруссии и России), Журнал российского права, 2002, N 9, стр. 19-20

Достаточно напомнить об общепризнанных принципах и нормах о правах человека, которые обязательны для всех государств независимо от их участия в договорах о правах человека», - отмечает И.И. Лукашук.³⁴

«Первоначально наблюдается очевидное отставание структуризации международного права от систем внутреннего права. Предметы национальных отраслей не требовали внешних регуляторов. Постепенно возникает некое параллельное развитие с интенсивным использованием механизмов взаимовлияния и согласованности. Данная тенденция сегодня усилилась, происходит дальнейшее увеличение числа сфер и способов взаимодействия норм и принципов внутреннего и международного права. Меняются их системы и более плотно соприкасаются отрасли, растет удельный вес совместно регулируемых отношений»,³⁵ - справедливо считает Ю.А.Тихомиров.

В настоящее время весьма отчетливо обнаруживается тенденция нарастающего влияния международного права на систему и отрасли внутреннего права. Оно играет ведущую роль в сближении норм гражданского, экономического, трудового, финансового права в рамках национальных правопорядков различных государств, «правовых семей» и межгосударственных объединений. Однако, необходимо отметить также и влияние внутреннего права на международное путем предопределения сущности и содержания последнего через нормы о внутренней и внешней политике и путем воздействия на создание и осуществление норм международного права (порядок заключения международных договоров и т.п.).

«Интересные явления наблюдаются в процессе выбора предмета регулирования. Здесь возникает, с одной стороны, эффект «юридической рокировки». Ввиду обострения всеобщего публичного интереса предметы регулирования внутреннего права подчас приобретают значение предметов международно-правовой регуляции. Например, ряд экологических вопросов и вопросов торговли становится объектом внимания международных структур и форумов устойчивого развития,

³⁴ Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации, Журнал российского права, 2002, N 3, стр.125

³⁵ Тихомиров Ю.А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права, Журнал российского права, 2002, N 11, стр. 12

деятельности институтов ВТО. Национальные предметы трансформируются в международные в виде принципов, нормативных понятий и стандартов и возвращаются в сферы внутреннего права в иной юридической оболочке. Таков цикл движения».³⁶

Тенденция к росту роли международного права в функционировании правовых систем государств особенно ощутима там, где происходит взаимодействие различных национальных систем. В связи с этим необходимо обратить внимание на еще одну группу общественных отношений, развитие которой обусловлено и неразрывно связано с происходящим в мире процессом глобализации. Речь идет о гражданско-правовых отношениях с так называемым «иностранным элементом». Процессы интернационализации международной хозяйственной жизни, бурное развитие новых технологий в сфере коммуникации, транспорта и связи, успехи в освоении космоса привели к расширению сотрудничества в самых различных сферах, увеличению объема общения и контактов между людьми независимо от их гражданства и места проживания, что дало толчок развитию комплексной правовой системы, объединяющей как нормы внутреннего законодательства так и международные договоры и обычаи.

Л.П.Ануфриева верно замечает, что в настоящее время «не существует единых для всех стран формул, касающихся нормативного состава МЧП, сферы его действия, элементов, составляющих объект и основные его признаки. В отдельных же государствах доктринальные расхождения во мнениях между учеными не позволяют выработать приемлемые подходы в рамках правотворческого процесса в том или ином сегменте регулирования с помощью международного частного права. В результате элементарный практический аспект, выступающий в качестве основного при определении предмета систематизации в любой иной отрасли, в МЧП становится неразрешимой проблемой, поскольку нет окончательного единства у теоретиков и практиков в главном - какие действующие нормы, регулирующие какие отношения, необходимо привести в искомую систему.

³⁶ Тихомиров Ю.А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права, Журнал российского права, 2002, N 11, стр.5

...Стремление государств иметь единый акт, с той или иной степенью полноты вмещающий в себя основные правовые предписания, укладываемые в соответствии с доминирующими в данной стране концепциями в рамки международного частного права, и его фактическая и юридическая реализация в конечном итоге без преувеличений формируют современную тенденцию в развитии МЧП, которая получает выражение в мировом масштабе».³⁷

Динамично развивающееся международное публичное право создает правовую основу для создания такого акта. «Практика и достижения международного публичного права иллюстрирует реальные возможности глобализации выработки и применения норм этого права. Вся история прогрессивного развития международного публичного права и его универсализации дает надежду на постепенное становление также базирующегося на международно-правовых нормах универсального права регулирования частноправовых отношений».³⁸

Подводя итог вышеизложенному, можно согласиться с мнением профессора Ю.А.Тихомирова: **«Думается, в силу сказанного можно вести речь о формировании общей системы права в пределах мирового сообщества, включающей общие принципы права, базовые отрасли, характерные для всех стран (конституционное, гражданское, административное, уголовное право), международное публичное право - общую часть. Система внутреннего права может охватывать особенную часть международного публичного права и МЧП наравне с другими отраслями».**³⁹

³⁷ Ануфриева Л.П. Международное частное право: в 3-х т. Том 1 Общая часть: Учебник, М.: Издательство БЕК, 2002, стр.38-39

³⁸ Вельяминов Г.М. Международные договоры в «международном частном праве» и его понятие, Государство и право, 2002, №8, стр.82

³⁹ Тихомиров Ю.А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права, Журнал российского права, 2002, N 11, стр.8

2 Место международного частного права в мировой правовой системе

2.1 Основные теории, определяющие правовую природу МЧП

Условно все существующие в настоящее время взгляды на правовую природу МЧП можно объединить в следующие группы:

- 1) «цивилисты» - считающие МЧП частью гражданского права (М.М.Агарков, О.Н.Садиков, М.И.Брагинский, А.Л.Маковский, И.А.Грингольц, В.В.Кудашкин, Г.М.Вельяминов и др.);
- 2) «внутригосударственники» - относящие международное частное к внутреннему праву каждого отдельного государства и подчеркивающие гражданско-правовой характер его норм, однако считающие его самостоятельной отраслью национального права (И.С.Перетерский, Л.А.Лунц, М.М.Богуславский, Е.Т.Усенко, В.П.Звеков, С.Н.Лебедев, А.А.Рубанов, Л.А.Ануфриева, Н.В.Орлова, М.Иссад и др.);
- 3) «сторонники полисистемного комплекса» - определяющие МЧП как полисистемный комплекс, вбирающий в себя международно-правовые и национально-правовые нормы (А.Н.Макаров, Р.А.Мюллерсон, ранее - Т.Н.Нешатаева и др.);
- 4) «международники» - группа исследователей, относящих МЧП к собственно международному праву в широком смысле этого слова (С.Б.Крылов, А.М.Ладыженский, С.А.Малинин, И.П.Блищенко, Ю.А.Тихомиров, Т.Н.Нешатаева, М.Н.Марченко, Б.Л.Зимненко, С.Ю.Марочкин, В.В.Гаврилов, С.И.Красов и др.).

Кроме вышеуказанных также существует ряд нетипичных взглядов по данному поводу - некоторые ученые рассматривают МЧП как «третью» систему права (в дополнение к международному публичному праву и внутригосударственному праву) или некое межсистемное образование, не являющееся особой системой или отраслью права (М.Н.Кузнецов, Ю.М.Колосов, Б.И.Кольцов, Н.Ю.Ерпылева).

Исследователи, поддерживающие цивилистическую и внутригосударственную концепцию исходят из того, что вопрос о природе норм МЧП решается пре-

жде всего исходя из характера регулируемых им отношений. А тот факт, что предметом регулирования МЧП являются отношения гражданско-правового характера и является доказательством того, что международное частное право входит в состав отрасли внутреннего права - гражданского права.

«Вполне очевидно, что существует тесная связь между международным публичным правом и международным частным правом, а также между международным частным правом и внутригосударственным правом. Вместе с тем международное частное право не является и не может являться самостоятельной отраслью международного публичного права. В противном случае пришлось бы считать полноправными субъектами международного публичного права юридических и физических лиц (человека, индивида), что в корне противоречит самим основам правосубъектности в международном публичном праве»⁴⁰ - считает К.А.Бекяшев.

С данной точкой зрения невозможно согласиться уже только потому, что современная международно-правовая доктрина включает человека (индивида) в состав субъектов международного публичного права.

Л.П.Ануфриева делает интересный вывод, что «международное частное право» становится поистине международным благодаря отражению в нем множества социальных и юридических отношений, опосредующих связи между самими суверенными государствами, между отдельным государством и находящимся в сфере его юрисдикции национальным субъектом права, между самими субъектами, принадлежащими к разным государствам, и т.д., а также взаимодействие международной системы права с национальными правовыми системами, равно как и международное взаимодействие национально-правовых систем между собой. В свете этого решение вопроса о месте МЧП в юридической системе заключается в поддержке тезиса о его принадлежности к внутригосударственному праву, с теми, однако, существенными оговорками, что частноправовая (цивилистическая) направленность регулируемых отношений не должна превалировать над другой их сущностью, которая именно и обуславливает специфичность объекта в данном

⁴⁰ Международное публичное право. Учебник (под ред. Бекяшева К.А.), М.: Проспект, 2000, стр.29

случае, а значит, и является определяющей, - международным характером».⁴¹

Этой же точки зрения на правовую природу МЧП придерживается и М.Иссад: «Принимая во внимание его эклектический характер, заимствование из различных отраслей, учитывая национальные интересы, а также требования современного международного правопорядка, можно охарактеризовать международное частное право как «кате́го́рию *sui generis*» или как «самостоятельную отрасль».⁴²

«Однако правомерно ли рассмотрение международного частного права в виде просто отрасли внутригосударственного права, тождественной любой другой самостоятельной (с позиций отраслевой принадлежности) совокупности норм при соотнесении его с международным правом?», - задается вопросом Л.П.Ануфриева. - Иными словами, если взять за исходную позицию положение, что национально-правовые системы присутствуют в глобальной (мировой) юридической системе в качестве условного целого, а МЧП является некоей его частью, причем входящей разрозненными «анклавами» норм (хотя бы и самостоятельными, обособленными в отдельные отрасли внутригосударственного права) в правовые системы каждого отдельного государства, то, спрашивается, как же оно будет соотноситься с соответствующим другим целым - системой международного права? Как капля воды, взятая из стакана, наполненного ею, отражает досконально все то, что свойственно воде? Или, будучи тем не менее самостоятельной особой областью внутригосударственного права, имеющей в содержании своей специфики и характерные пути взаимодействия с международным правом, - как капля не просто воды, а именно той воды, которая находится в стакане?».⁴³ Такая постановка вопроса неизбежно приводит к вопросу об источниках международного частного права: «исходя из формальной логики, которая обуславливает строгую последовательность в конструировании суждений, заключение о том, что МЧП безоговорочно суть внутригосударственное право, неизбежно приводит в дальнейшем к констатации того, что его нормы должны быть зафиксированы

⁴¹ Ануфриева Л.П. Международное частное право. Общая часть. Учебник, М.:Издательство БЕК, 2002, стр.93-94

⁴² М.Иссад Международное частное право, М: Прогресс, 1989, стр.13

⁴³ Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права, Журнал российского права, 2001, N 5, стр.116-117

только во внутригосударственных источниках права, что, соответственно, международные договоры (равно как и обычаи) не являются носителями и внешними формами их выражения»,⁴⁴ что явно противоречит фактическому положению вещей.

Рассматривая данную проблему, Н.Ю.Ерпылева приходит к следующему выводу: «В настоящее время можно утверждать, что МЧП выступает как самостоятельная система права, имеющая свой особый, специфический предмет (объект) регулирования, методы и источники, которые отличают его от близких, родственных с ним правовых систем международного публичного и внутригосударственного гражданского права. МЧП - это комплексная правовая система, объединяющая нормы внутригосударственного законодательства, международных договоров и обычаев, которые регулируют имущественные и личные неимущественные отношения, «осложненные» иностранным элементом (т.е. отношения международного характера), с помощью коллизионно-правового и материально-правового методов».⁴⁵

Прямо противоположной точки зрения по данному вопросу придерживается В.В.Кудашкин, который определяет следующее: «системный подход к международному праву позволяет сделать вывод, что его базисом не могут выступать иные международные отношения, чем межгосударственные. Это предопределено объектом международного права, в качестве которого выступает структура системы межгосударственных отношений. Таким образом, иные международные отношения, в том числе международные отношения между частными лицами или частного характера, не могут входить в систему межгосударственных отношений».⁴⁶ Из данной посылки им делается следующий вывод: «Правовой действительности известны два вида правовых систем: система международного права и национальные правовые системы. Им соответствуют два вида систем социальных отношений: система межгосударственных отношений и система внутригосудар-

⁴⁴ Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права, Журнал российского права, 2001, N 5, стр.117

⁴⁵ Ерпылева Н.Ю. Международное частное право России, Гражданин и право, 2002, №7, стр.27

⁴⁶ Кудашкин В.В. Международные частные отношения - системные явления реальной действительности., Журнал Российского права, 2004, №5, стр.79-80

ственных отношений. Объективно международные частные отношения в определенной части могут быть однородны только внутригосударственным отношениям и, соответственно, входить в систему указанных отношений». При этом он отмечает, что «межсистемный характер отражает связанность международных частных отношений более чем с одной системой внутригосударственных отношений и абсолютно не отрицает их принадлежность к конкретной системе». Более того, В.В.Кудашкин указывает, что «в силу своего межсистемного характера они не могут формировать самостоятельную системную целостность, то есть систему международных частных отношений».⁴⁷

Исследуя природу международных отношений невластного характера Р.А.Мюллерсон отмечает, что они «носят в определенной мере двойственный характер», с одной стороны эти отношения являются международными, а с другой стороны - их участниками являются субъекты национальных правовых систем. На основе этого можно сделать вывод, что такие отношения не могут быть «собственным» объектом ни национального права, ни международного публичного права, из чего следует заключение о полисистемной природе МЧП: «Нам представляется, что одним из таких полисистемных комплексов как раз и является МЧП, возникающее в результате взаимодействия определенных частей национально-правовых систем как между собой, так и с определенной частью международного публичного права при регулировании международных отношений невластного характера. Эти части, образующие в результате такого взаимодействия полисистемный комплекс, тем самым не исключаются из соответствующих национально-правовых систем или из международного публичного права (из соответствующих отраслей национального права и международного публичного права). Нормы права, как и многие другие явления объективного мира, могут одновременно являться частями (элементами) различных систем».⁴⁸

«Природа международных немежгосударственных отношений носит двойст-

⁴⁷ Кудашкин В.В. Международные частные отношения - системные явления реальной действительности, Журнал Российского права, 2004, №5, стр.85

⁴⁸ Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. М.: Международные отношения, 1982, стр.117-120

венный (полисистемный) характер: с одной стороны, это отношения властные, их участниками являются субъекты, подпадающие под действие национального права; с другой стороны, эти отношения возникают в сфере международного общения, где применение национального права ограничено.... Двойственный характер этих общественных отношений порождает полисистемность регулирующего их права. Международное частное право в отличие от международного публичного права и национальных правовых систем не представляет особый тип правовой системы. Нормы, составляющие международное частное право, находятся как в национальном праве различных государств, так и в международном публичном праве. Они могут закрепляться как во внутригосударственном законе, так и в международном договоре. Каждое суверенное государство определяет и применяет свой комплекс норм, регулирующих международные немежгосударственные отношения. Следовательно, каждое государство имеет «свое» международное частное право. Этот комплекс не может существовать в отрыве от внутригосударственного и международного публичного права. Образно говоря, международное частное право является мостом, соединяющим различные правовые системы»⁴⁹, считает Т.Н.Нешатаева.

Л.П.Ануфриева, являющаяся сторонницей внутригосударственной концепции, приводит следующий аргумент против полисистемной концепции: «использование категории «комплекс» неизбежно влечет за собой презумпцию присутствия в нем сложных составов, причем соединения не только разнохарактерных норм, но и объектов регулирования - разнокачественных общественных отношений: и международно-правовых (властных), и цивилистических (невластных), подпадающих под сферу юрисдикции государств. Однако повсюду в рассуждениях, обосновывающих МЧП как «полисистемный комплекс», рефреном звучит тезис об однородности регулируемых общественных отношений - о невластном их характере. В итоге «комплекс» и с этой точки зрения перестает быть таковым, а конструкция не может быть квалифицирована ни просто как «комплекс», ни как «системный комплекс», адекватный апробированным философской наукой пред-

⁴⁹ Нешатаева Т.Н. Международное частное право, учебное пособие по спецкурсу, Пермь, 1991, стр.5-6

ставлениям о нем».⁵⁰

Г.М.Вельяминов обосновывает несостоятельность полисистемной (дуалистической) концепции следующим образом: «Дуалистическая» теория двуединого международного частного права отражает по сути стремление подвести под общую крышу некоего синтетического, полисистемного, но все же единого международного частного права две генетически и по содержанию совершенно разнородных нормативных комплекса. Речь идет о следующем. Во-первых, это международные (межгосударственные) договоры (и иные международные акты), отличающиеся от всех прочих международных договоров всего лишь особым, специфическим предметом регулирования. Во-вторых, это национальное законодательство (или прецедентное право) разных (!) стран, причем, как практически установилось, лишь в области коллизионного регулирования. При этом, что наиболее несообразно, два указанных одноименных нормативных комплекса разнородны по предмету регулирования, т.е. по основному критерию, дающему основание для выделения той или иной отрасли права».⁵¹

«Проводя структурный анализ систем международного (международного публичного) и внутригосударственного права, следует исходить из того, что каждая из них имеет сложное строение и разветвляется на отрасли, подотрасли, институты, в ряде случаев комплексные отрасли и подотрасли, а также комплексные институты. Поскольку международное частное право не составляет отдельной системы права, а его нормы образуют особую самостоятельную область национального права, структура МЧП должна отражать общие принципы строения обособленной в рамках национального права конкретного государства правовой сферы. В данном случае может быть два варианта: либо это отдельная отрасль внутригосударственного права, либо иная степень его обособления»,⁵² - полагает Л.А.Ануфриева.

Отметим, что относительно понятия «отрасль права» юридическая наука вы-

⁵⁰ Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права (проблемы системной принадлежности и структурного статуса), Журнал Российского права, 2001, №6, стр.90

⁵¹ Вельяминов Г.М. Международные договоры в «международном частном праве» и его понятие, Государство и право, 2002, №8 стр.80

⁵² Ануфриева Л.П. там-же стр.94

работала в принципе единый подход. Л.С. Явич определяет отрасль как объективно обособившуюся внутри системы права совокупность взаимосвязанных между собой норм, объединенных общностью предмета и метода правового регули-

53

рования; А.М. Васильев - как совокупность обособленных юридических норм и правовых институтов, которыми регулируется определенная область общественных отношений, обладающих качественным своеобразием;⁵⁴ В.В. Лазарев - как такую группу норм, которая регулирует определенный комплекс общественных отношений.⁵⁵ При всем многообразии определений отрасли права можно выделить следующие общие черты, которые признаются практически всеми авторами: предметный критерий (основа выделения отрасли права) - качественно своеобразные общественные отношения, объективно обособившиеся в отдельную группу; и структурный критерий - системные признаки отрасли и ее структурные составляющие (отрасль состоит из юридических норм и правовых институтов и является элементом системы права).

Рассматривая последовательно международное публичное и международное частное право в данном аспекте Л.П.Ануфриева отмечает, что «в системе международного права важным системо- и отраслеобразующим фактором выступают специальные принципы, призванные регулировать соответствующую категорию отношений и сложившийся комплекс норм, позволяющих обособить их в отдельную категорию, поскольку они обладают высоким уровнем внутренней общности, с одной стороны, и специфическими качествами по отношению к иным нормам - с другой. Помимо этого, далеко не последнюю роль в выделении норм в отдельную отрасль, что особенно характерно, скажем, в МПП, играет автономность соответствующих правовых предписаний и достаточно развитый (большой в количественном отношении и подвергнувшийся известной степени кодификации) их массив».⁵⁶

⁵³ Теория государства и права, Учебник (под ред. А.И. Королева, Л.С. Явича) 2-е изд., Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1987, стр.399

⁵⁴ Теория государства и права, Учебник (под ред. А.М. Васильева) 2-е изд., М.: Юридлит., 1983, стр.283

⁵⁵ Общая теория права и государства, Учебник (под ред. В.В.Лазарева), М.: Юрист, 1994, стр.136

⁵⁶ Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права (проблемы системной принадлежности и структурного статуса), Журнал Российского права, 2001, №6, стр.95

Следует отметить, что международное частное право также имеет свой, совершенно самостоятельный предмет регулирования (правовые отношения с «иностраным элементом») и особые методы регулирования возникающих правоотношений (коллизионный и материально-правовой). «Если сопоставить международное частное право с прочими отраслями внутригосударственного права, то с учетом приведенной совокупности и, главное, характера «квалифицирующих» признаков, оно безусловно выходит за рамки понятия «отрасль права», вследствие чего подобная его трактовка и представляется не вполне оправданной. Это проявляется в том, что, во-первых, МЧП в силу специфичности объекта, методов регулирования, источников, а также используемых для регламентации норм обладает, с одной стороны, сильной внутренней «спаянностью» средств регулирования, единством соответствующих категорий норм, устойчивостью связей между составляющими его институтами и не прерывающейся тесной взаимосвязью с международным правом - с другой, что обнаруживает явные системные качества

⁵⁷ более высокого порядка». Далее Л.П.Ануфриева абсолютно верно отмечает: «Данное свойство (системность на более высоком уровне, нежели системность отрасли), фактически большая разветвленность и усложненность системы в МЧП подкрепляется, во-вторых, наличием «сквозных» институтов и общих начал (таких как «автономия воли», «иммунитет государства», «взаимость», «национальный режим», «режим наибольшего благоприятствования» и т. д.), которые, будучи выражены нормативно, не отличаются характерно ни для одной из внутригосударственных отраслей, в том числе и цивилистических. Причем нельзя не отметить, что это явление - принципы-нормы, присущие МЧП, специфично также и для МПП, но не свойственно внутригосударственному (в частности, гражданско-

⁵⁸ му) праву». Данные доводы скорее поддерживают международную концепцию правовой природы МЧП, однако, анализируя все вышесказанное, Л.П.Ануфриева приходит к совершенно неожиданному выводу: «можно высказать предположе-

⁵⁷ Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права (проблемы системной принадлежности и структурного статуса), Журнал Российского права, 2001, №6, стр.96

⁵⁸ Ануфриева Л.П. там-же, стр.96

ние, что оно обладает признаками подсистемы внутригосударственного права».⁵⁹

Иную трактовку вопроса соотношения международного частного и публичного права приводит М.Н.Марченко: «Международное право как относительно самостоятельная правовая система находится в тесной связи и взаимодействии с другими, относительно самостоятельными национальными правовыми системами, а также - с межгосударственной системой... Его следует рассматривать в качестве подсистемы межгосударственной системы, одновременно выступающей по отношению к нему в качестве окружающей среды».⁶⁰

При таком многообразии подходов очень актуальной представляется мысль, высказанная алжирским ученым М.Иссадом: «Следует опасаться классических схем и желания любой ценой включить международное частное право в ту или другую отрасль. Причастности государства или общественных интересов не всегда бывает достаточно, чтобы назвать такое правоотношение публично-правовым. Само государство, особенно в области международной торговли, все чаще использует частнопровые механизмы, заключая контракты с торговыми товариществами частного права... И напротив, участия в правоотношении двух частных лиц еще недостаточно для его «приватизации» и предоставления сторонами свободы организации своих отношений. Традиционное частное право изобилует императивными нормами, адресованными как сторонам, так и суду. Эти нормы вследствие молчаливого согласия или длительной практики продолжают включаться в сферу частного права, но имеют ту же природу, что и нормы публичного права».⁶¹

Кроме точек зрения, приведенных выше, следует также отметить и концепцию, сформулированную А.А.Рубановым, поставившим вопрос об отношениях, регулируемых МЧП, как об особом целостном объекте исследования, именуемом «международные межправовые отношения», базирующемся на теории отражения правовыми системами друг друга в процессе регуляции соответствующих обще-

⁵⁹ Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права (проблемы системной принадлежности и структурного статуса), Журнал Российского права, 2001, №6, стр.96

⁶⁰ Марченко М.Н. Теория государства и права, Учебник, М., 2001, стр.208

⁶¹ Иссад М. Международное частное право, М: Прогресс, 1989, стр.12

ственных отношений. «Важно помнить, что отражение одной правовой системой других происходит в то же время, когда она регулирует общественные отношения. Эта последняя регламентация - ее основное назначение. Осуществляя свою главную цель, то есть регулируя общественные отношения, правовая система одновременно отражает и существование других правовых систем. Потому такое отражение имеет не абстрактно-теоретический, а практический характер. Оно выражается в том, что другие правовые системы наделяются некоторой ролью в регулировании отношений, возникающих в первой правовой системе, а входящим в них нормам придается юридическое значение. Таким образом, к механизму правового регулирования отношений подключаются правовые нормы, входящие в иные правовые системы; к национальному механизму - с одной стороны, нормы права других стран, с другой - нормы международного права; к механизму правовой регламентации межгосударственных отношений - нормы внутригосударственного права».⁶² То есть для международного частного права «объектом регулирования, осуществляемого с подключением норм другой правовой системы, являются отношения особого вида: они входят в предмет регламентирующей системы, но одновременно соприкасаются с иными системами отношений, имеющимися в мире».⁶³

Анализируя такие «международные межправовые отношения», А.А.Рубанов приходит к выводу, что способность всех существующих правовых систем отражать друг друга с подключением правовых норм других систем к своему механизму регулирования приводит к тому, что международное право формулирует свои положения в форме, свойственной национальному праву, так как оно является объектом отражения национальных правовых систем. «Последние же вступают с ним в межправовые отношения и подключают его положения к национальным механизмам юридической регламентации социальных отношений. Государства, заключающие международный договор, исходят из того, что его положения будут объектом отражения для национального права их стран, и поэтому заранее при-

⁶² Рубанов А. А. Вопросы теории международных межправовых отношений, Советское государство и право, 1991, N 10, стр.102

⁶³ Рубанов А. А. там-же, стр.103

дают некоторым таким положениям форму, облегчающую их функционирование в данном качестве».⁶⁴ Таким образом, все нормы, выработанные международно-договорным путем: «...по своей сущности являются нормами международного права и регулируют отношения между государствами. Их отличие от классических норм этой системы, прямо говорящих о правах и обязательствах государств, сводится лишь к форме».⁶⁵

Задаваясь данным вопросом, Л.П.Ануфриева приходит к тому, что логический вывод из тезиса о необходимости включения «материальных норм иностранного права в правовую систему МЧП конкретной страны - привел бы к парадоксальному, чтобы не сказать абсурдному, выводу и заставил бы считать международным частным правом отдельно взятого государства все правовые нормы, предназначенные регулировать цивилистические по своей природе общественные отношения, всех государств мира. Безусловно, представить себе подобное трудно. Однако и отбросить «несущую конструкцию» - иностранные материальные нормы - невозможно. Каково же решение?

С учетом всего вышеизложенного представляется, что международное частное право потому и является международным, что оно оперирует множеством иностранных норм, которые, однако, не входят жестко в его состав. Спецификой МЧП в этом плане является как раз то, что оно не имеет ригидной (строго устойчивой) структуры, как другие отрасли внутригосударственного права. В силу этого международное частное право нельзя определить как постоянную систему соответствующих норм, ибо она обладает прямо противоположным качеством - изменчивостью».⁶⁶

«На настоящем этапе развития не существует частного права подлинно международного, нормы которого были бы обязательны для всех государств»,⁶⁷ - поддерживает этот вывод М.Иссад. И, далее отмечает, «что, подобно междуна-

⁶⁴ Рубанов А. А. Вопросы теории международных межправовых отношений, Советское государство и право, 1991, N 10, стр.105

⁶⁵ Рубанов А. А. там-же, стр.104

⁶⁶ Ануфриева Л.П. Международное частное право: в 3-х т. Том 1 Общая часть: Учебник, М.: Издательство БЕК, 2002, стр.88

⁶⁷ Иссад М. Международное частное право, М: Прогресс, 1989, стр.48-49

родному частному праву, публичное право, особенно такие его разделы, как международное налоговое, уголовное и административное право находятся в стадии формирования. Утверждение о строго территориальном действии норм публичного права устаревает. Поскольку эти нормы вторглись в сферу международной жизни, необходимо скоординировать их с методом международного частного права».⁶⁸

Рассмотрев основные теории, определяющие место МЧП в мировой правовой системе, можно в общем согласиться с мнением Т.Н.Нешатаевой, которая считает, что «согласие с многоуровневой трактовкой права, как социально-юридического феномена, обладающего генетически присущей ему структурой (частное - публичное), неизбежно приводит к выводу о том, что возможно существование такого комплекса, как международное право в широком смысле, включающее международное частное право, международное публичное право и право международных организаций».⁶⁹

В.В.Гаврилов: «Таким образом, - совершенно справедливо считает В.В.Гаврилов, - можно констатировать, что современная российская международно-правовая доктрина постепенно отходит от узкого понимания международной правовой системы как системы исключительно межгосударственных отношений, регулируемых на правовом уровне нормами международного публичного права. В ее рамках происходит осознание того факта, что исключение из числа субъектов международной правовой системы прежде всего физических и юридических лиц, равно как и отрицание возможности международно-правового регулирования отношений с их участием, не соответствует на современной практике развития международных отношений, ни существующим механизмам и способам их нормативно-правовой регламентации».⁷⁰

⁶⁸ Иссад М. Международное частное право, М: Прогресс, 1989, стр.77

⁶⁹ Нешатаева Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М., 1998, стр.57-58

⁷⁰ Гаврилов В.В. Развитие концепции правовой системы в отечественной доктрине права: общетеоретический и международно-правовой подходы, Журнал российского права, 2004, №1, стр.86-87

2.2 Субъекты, предмет и объект регулирования МЧП

Приступая к рассмотрению данного вопроса, невозможно не согласиться с мнением Л.П.Ануфриевой, которая считает, что «сегодня, пожалуй, трудно найти другую такую-же область права и отрасль правоведения, как международное частное право, в которых при своей внешней устойчивости существующего наименования и привычности его использования в практическом и научном обороте имелись бы столь разноречивые представления о том, что есть их объект, природа, нормативный состав, дефиниция, наконец, и где бы в столь же значительной мере отсутствовало единодушие в перечисленных и иных сопутствующих вопросах».

Н.П.Иванов, к слову сказать, являющийся первым Российским ученым, употребившим термин «международное частное право», еще в 1865 г. выдвинул собственную теорию международного частного права, в которой четко разграничил международное публичное и частное право: «Международное право публичное определяет юридические отношения между самими государствами, а международное право частное определяет юридические отношения между частными лицами, принадлежащими различным государствам, или же возникшие за границей».

В.В.Кудашкин по этому поводу замечает, что «критерий субъекта общественного отношения не дает объективной картины специфики межгосударственных общественных отношений. Государства могут взаимодействовать между собой в качестве субъектов частных отношений, а также вступать в частные отношения с юридическими и физическими лицами. Однако такие отношения не относятся к межгосударственным в силу того, что ключевым звеном системы межгосударственных отношений является ее структура, которая сама представляет совокупность (целостность) определенным образом организованных между государствами связей. ...В системе межгосударственных отношений конкретное госу-

⁷¹ Ануфриева Л.П. Международное частное право: в 3-х т. Том 1 Общая часть: Учебник, М.: Изд. БЕК, 2002, стр.50

⁷² Цит. по: Абдуллин А.И. Об истоках международного частного права в России, Журнал российского права, 2003, №5, стр.147

дарство не выступает определяющим социальным явлением для системы. Таким является не отдельное государство, а совокупность государств. Исключение одного государства в определенной мере может изменить конкретно-историческое содержание системы межгосударственных отношений, но не структуру в целом, что и определяет характер, содержание и в конечном итоге сущность системы межгосударственных отношений...Совсем иную картину мы наблюдаем при исследовании системы внутригосударственных отношений. Здесь мы видим, что государство - также элемент системы, но его роль в этой системе качественно иная. Государство является ее ключевым элементом. Если его убрать, то исчезнет система внутригосударственных отношений».⁷³

Существует также и иное мнение: «Понятие «элемент» применительно к целостной сложноорганизованной системе есть... понятие условное, относящееся к системно-морфологическим, а не системно-структурным характеристикам объекта. Утверждение о том, что элементами системы являются государства, международные организации и т.д., ничего еще не говорит о специфике системы межгосударственных отношений как целостности».⁷⁴

Рассматривая данный вопрос можно сделать следующий вывод: субъектами МЧП могут быть как субъекты международного публичного права (например государства, международные межправительственные организации), так и субъекты национального права (юридические и физические лица). При этом один и тот же субъект может стать участником как международно-правовых отношений, так и национально-правовых отношений. Так, например, ст.124 ГК РФ специально предусматривает, что РФ, ее субъекты и муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством на равных началах с гражданами и юридическими лицами. Международные межправительственные организации, будучи по своей природе межгосударственными организациями публичного характера, и, соответственно субъектами международного публичного права, тем не менее участвуют и в частноправовых отношениях, совершая раз-

⁷³ Кудашкин В.В. Международные частные отношения - системные явления реальной действительности, Журнал Российского права, 2004, №5, стр.80

⁷⁴ Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения, М.: Наука, 1976, стр.37

личного рода гражданско-правовые сделки и участвуя в качестве стороны в спорах гражданско-правового характера, рассматриваемых в международных и национальных судах.

В то-же время «правовое положение человека-гражданина определено международным правом. Человек есть субъект международного права, гражданин есть субъект национального права. Субъектом международного права человек остается всегда, а вот гражданином - субъектом национального права - не всегда, - справедливо отмечают С.Г.Каргополов и И.Ю.Юшкарев, - И если раньше индивид защищался не непосредственно международным правом, а лишь через посредство внутригосударственного права (С.Б.Крылов, Г.И.Тункин), то сегодня мы имеем практику непосредственной, прямой защиты человека и его интересов международно-правовыми средствами (Европейский суд по правам человека). ...Человек не простой субъект международного права. Он совершает международно значимые действия, создает определенные отношения, является движущей силой международной жизни».⁷⁵

Какой же критерий является определяющим для отнесения возникшего отношения к отношениям, регулируемым международным частным правом? Л.П.Ануфриева считает, что «о международном частном праве принято говорить тогда, когда имеются в виду разнообразные отношения определенного рода, которые возникают в сфере международного гражданского (хозяйственного) оборота в широком смысле слова (т.е. гражданских, торговых, земельных, семейных, трудовых, и т.п., включающие личные, имущественные и связанные с ними неимущественные отношения. ... Будь это отношения между субъектами права одного государства, они регулировались бы нормами гражданского или торгового права (либо семейного, трудового, земельного, хозяйственного или иной отрасли права конкретной страны)».⁷⁶

По мнению алжирского ученого М.Иссада существуют четыре «правовых си-

⁷⁵ Каргополов С.Г., Юшкарев И.Ю. Человек - субъект не только международного частного, но и международного публичного права, Международное публичное и частное право, 2002, №3(7), стр.21-22

⁷⁶ Ануфриева Л.П. Международное частное право: в 3-х т. Том 1 Общая часть: Учебник, М.: Издательство БЕК, 2002, стр.47-48

туации, порождаемых международной жизнью» - «коллизия законов, конфликт юрисдикций, положение иностранцев и гражданство», в зависимости от отнесения которых к предмету регулирования МЧП и «существуют разнообразные комбинации - от ограничительных толкований, включающих в международное частное право только коллизионные вопросы, до расширительных, которые включают в международное частное право все четыре указанные сферы вопросов».⁷⁷

Российская доктрина в настоящее время различает два принципиальных подхода к определению предмета МЧП: принцип широкого и узкого толкования. Принцип широкого толкования предмета МЧП предполагает объединение в рамках системы МЧП не только гражданско-правовых отношений, но и любых иных международных отношений невластного характера (семейных, трудовых, и т.д.). Принцип узкого толкования МЧП ограничивает его предмет только гражданско-правовыми отношениями, осложненными «иностраным» элементом. Следуя терминологии Ф.Ф. Мартенса, МЧП в узком смысле можно было бы назвать международным гражданским правом, наряду с которым существовали бы международное семейное право, международное гражданско-процессуальное право, международное арбитражно-процессуальное право и др. В опубликованном им впервые в 1882-1883 гг. фундаментальном труде «Современное международное право цивилизованных народов», выдержавшем несколько изданий и переведенном на множество иностранных языков, Мартенс справедливо указывал на две существенные характеристики МЧП: гражданско-правовую природу отношений, им регулируемых, и наличие международного элемента в таких отношениях. Он писал, что «международное частное право есть органическая часть территориального гражданского права страны».⁷⁸ Однако он сразу же отмечал, что «международное общение есть единственно верное и положительное основание, на котором может развиваться международное частное право, и, исходя из него, только и могут быть разрешены запутанные и сложные вопросы о применении законов различных го-

⁷⁷ Иссад М. Международное частное право, М: Прогресс, 1989, стр.15

⁷⁸ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов т.2, М, 1996, стр.180

сударств».⁷⁹ Гражданско-правовые отношения, включающие иностранный элемент, Ф.Ф. Мартенс называл «международными гражданскими отношениями».

М.М.Богуславский, поддерживая концепцию «большого международного частного права» считает, что «в состав международного частного права входят как коллизионные, так и материально-правовые нормы, регулирующие гражданско-правовые отношения с иностранным элементом, которые возникают в областях международного экономического, научно-технического и культурного сотрудничества, а также нормы, определяющие гражданские, семейные, трудовые и процессуальные права иностранцев. В состав международного частного права как отрасли права входит и международный гражданский процесс (международное гражданское процессуальное право)».

Некоторые авторы предлагают включить в выработанный общей теорией права метод исследования правовых явлений на основе предмета и метода регулирования также и объект изучаемого явления, обосновывая свои выводы невозможностью познания природы правового явления исходя только из природы правовых отношений и необходимостью изучения с этой целью лежащих в их основе общественных отношений. Т.В. Закупень и С.Ю. Соболев, например считают, что «практическая реализация правового регулирования в какой-либо области общественных отношений становится невозможной, если не определить объект, по отношению к которому такое регулирование осуществляется». Ю.К.Толстой, также считает, что «о правоотношении можно говорить лишь как о форме лежащего в его основе общественного отношения».

«В отличие от предмета международного частного права, - поясняет В.В.Кудашкин, - к которому, в соответствии с действующей доктриной, относятся гражданско-правовые отношения с иностранным элементом, его объект не получил однозначного терминологического закрепления. ...Изучение закономерно-

⁷⁹ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов т.2, М, 1996, стр.178

⁸⁰ Мартенс Ф.Ф. там-же, стр.176

⁸¹ Богуславский М.М. Международное частное право: Учебник, М: Юристъ, 2002, стр.23-24

⁸² Закупень Т.В., Соболев С.Ю. Информация и ее правовое регулирование, Журнал российского права, 2004, N 1, стр.31

⁸³ Толстой Ю.К. К теории правоотношения, Л., Ленинградский университет, 1959, стр.23

стей правового регулирования общественных отношений при взаимодействии национальных правовых систем и определение на этой основе сущности правовых явлений, составляющих предмет международного частного права, позволяет квалифицировать указанные отношения как международные частные отношения. Применение указанного термина наиболее адекватно отражает предмет правового исследования и, собственно, объект международного частного права».⁸⁴

Л.П.Ануфриева считает, «что применительно к понятию МЧП не совсем верно расставлены акценты в самом его обозначении. Так, в большинстве случаев считается, что главным в категории «международное частное право» является термин «частное» (А.Л.Маковский, вслед за ним С.Н.Лебедев, М.М.Богуславский и др.). Действительно, отрицать частноправовой, невластный характер регулируемых им отношений никоим образом не приходится. Его недооценка привела бы к смешению с отраслями публичного права национально-правовой системы или с системой международного права. С другой стороны, переоценка этого качества способствует...нивелированию МЧП с другими отраслями цивилистического направления внутригосударственного права (гражданским или торговым, хозяйственным, предпринимательским и т.п.). С этой точки зрения для того, чтобы оттенить истинный характер регулируемых МЧП отношений, можно было бы даже поставить слово «частное» в выражении «международное частное право» на первое место и получить надлежащее обозначение отрасли права и научной дисциплины «частное международное право». В то же время второй компонент - прилагательное «международный» является не менее, если не более значимым в рассматриваемой конструкции. Именно слово «международный» является определяющим для данной совокупности норм... Говоря вообще, в термине «МЧП» оно присутствует для обозначения более широкой, нежели внутригосударственные рамки конкретного государства, сферы регулирования им общественных отношений».⁸⁵ Поддерживая эту точку зрения, И.С.Перетерский указал, что «специфиче-

⁸⁴ Кудашкин В.В. Международные частные отношения - системные явления реальной действительности, Журнал Российского права, 2004, №5, стр.75,77

⁸⁵ Ануфриева Л.П. Международное частное право: в 3-х т. Том 1 Общая часть: Учебник, М.: Издательство БЕК, 2002, стр.92

ским отличием гражданско-правовых отношений, включаемых в международное частное право, является то, что международное частное право изучает особую группу гражданско-правовых отношений - а именно такие, которые имеют международный характер».⁸⁶

Исследуя объект и предмет регулирования МЧП, М.Н.Кузнецов пришел к выводу, что «причиной возникновения МЧП является не наличие источников, а наличие особых общественных отношений, которые постоянно рождает объективное развитие мирохозяйственных связей».

«Только характер общественного отношения, - подчеркивает В.В.Кудашкин, - представляет объективную ценность для понимания истинной природы его правового опосредования. Но многие свойства тех или иных правовых явлений можно объяснить, лишь рассматривая их системные свойства». И, основываясь на том, что в мире сформировались всего две правовые системы - международная и национальные, он приходит к следующему логическому выводу: «Если существуют правовые системы как самостоятельные социальные явления, то их можно рассматривать как следствие других социальных явлений и процессов, что объективно предполагает диалектический подход. То есть необходимо выявить причинные закономерности существования самостоятельных правовых систем. А это объективно выводит нас на рассмотрение общественных отношений, лежащих в основе правовых систем как явлений социальной действительности. ... Исследовательскую ценность при таком подходе представляют не сами государства, люди или социальные явления, а те связи и отношения, которые возникают между ними».

Эту мысль поддерживает М.Иссад, считающий, что «каковы бы ни были в итоге характер или природа международного частного права, основная проблема состоит в том, какого рода отношения оно регулирует. Мы видели, что есть два

⁸⁶ Перетерский И.С., Крылов С.Б. Международное частное право, М., 1959, стр.7

⁸⁷ Кузнецов М.Н. Международное частное право. Общая часть, М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1991, стр.55

⁸⁸ Кудашкин В.В. Международные частные отношения - системные явления реальной действительности., Журнал Российского права 2004, №5 стр.84

⁸⁹ Кудашкин В.В. там-же, стр.78, 81

типа отношений. Первый - это отношения между обществами, представленными государствами. Этот тип отношений регулируется международным публичным правом. Второй тип отношений касается частных лиц и выходит за рамки одного общества. Возникающее между двумя лицами правоотношение имеет связь с двумя или более странами».⁹⁰

Представляется верным вывод, к которому приходит Л.П.Ануфриева, формулируя «основной признак - качество, которому должно удовлетворять общественное отношение, подпадающее под действие частного международного права: проявление юридической связи данного общественного отношения с правовыми порядками двух или более государств. Предложенный признак, как представляется, с большей адекватностью и юридической точностью, нежели «иностранный элемент», способствует определению объекта регулирования в МЧП».⁹¹

⁹⁰ Иссад М. Международное частное право, М: Прогресс, 1989, стр.14

⁹¹ Ануфриева Л.П. Международное частное право: в 3-х т. Том 1 Общая часть: Учебник, М.: Издательство БЕК, 2002, стр.62

2.3 Источники МЧИ и методы его регулирования

Термин «международное частное право» (private international law) впервые был предложен судьей Верховного Суда США, профессором Гарвардской школы права Дж. Стори и употреблялся наряду с уже существовавшим и широко признанным в то время термином «коллизийное право» (conflicts of laws). Примерно со второй половины XIX в. этот термин получил применение и в европейских государствах (droit international prive, internationales privatrecht, diritto internazionale privato, etc.).

Традиционно и англосаксонская система общего права, и романо-германская система континентального права под термином «международное частное право» понимали систему коллизийных норм национального характера, применимых там и тогда, где и когда имущественные и неимущественные отношения частных лиц включали «иностраный элемент». Такой узкий подход к содержанию МЧП сохранился и сейчас со времен исторической глоссы Аккурсия (1128 г.) о решении сакраментального вопроса возможности применения права Модены к гражданину Болоньи, если он судится в Модене.

По мнению американских профессоров М. Гаррисона, Р. Дейвиса и др., термины «коллизийное право» и «международное частное право» употребляются как взаимозаменяемые и означают внутригосударственную систему правовых норм для разрешения следующих коллизий: 1) суды какого государства должны рассматривать спор и 2) право какого государства следует применить.⁹²

Отнесение к системе коллизийных правовых норм и норм процессуальных, т.е. относящихся к определению юрисдикции, прагматически привлекательно, ведь именно с определения подсудности и применимого права и начинается судебный процесс с международными правоотношениями. Традиционно нормы о конфликте юрисдикций включаются в состав МЧП на основе следующих аргументов: коллизия юрисдикций обусловлена коллизией законов, но при этом решение вопроса о коллизии юрисдикций и является первым шагом решения воз-

⁹² Цит. по: Ерпылева Н.Ю. Международное частное право России, Гражданин и право, 2002, №7, стр.26

никшей коллизии законов. Однако, рассуждая в рамках строгой теории, нормы о коллизии юрисдикций все таки следует отнести к нормам международного процессуального права.

Что касается самих коллизионных норм, то они не регулируют непосредственно права и обязанности субъектов правоотношений, а лишь содержат принципы, регулирующие применение конкретной материально-правовой нормы, т.е. эффект правового регулирования с помощью коллизионной нормы достигается в совокупности с той материально-правовой нормой, к которой она отсылает. Исходя из этой посылки коллизионная норма в большинстве случаев рассматривается исследователями как норма гражданского права. Такой точки зрения придерживались И.С.Перетерский, С.Б.Крылов, Л.А.Лунц, М.М.Богуславский и др. В правовой литературе дореволюционной России М.И.Бруном была высказана мысль о том, что коллизионная норма не является правилом поведения для участников гражданского оборота, вследствие чего нельзя говорить о ее нарушении последними, но эта норма обращена к суду, административному органу государства, что говорит о ее публично-правовой природе. Коллизионные нормы «обязывают публичную власть различных государств применять их, т.е. создают публичные права одних держав по отношению к другим в части требования и права применять эти нормы».⁹³ Е.Т.Усенко считает, что возможность выбора права или определения применимого правопорядка, заложенная в коллизионной норме - это «одностороннее санкционирование одним государством применения властных актов (законов) других государств на своей территории или же признания юридических последствий этих актов».⁹⁴

По мнению же Л.П.Ануфриевой «юридическая природа коллизионных норм в том именно и состоит, что в них гармоничным образом сочетаются публично-правовой и частноправовой элементы, в существенной мере обуславливающие ее специфику. Публично-правовой эффект коллизионной нормы носит на самом де-

⁹³ Ладыженский А.М. К вопросу о юридической природе норм так называемого частного международного права, Вестник МГУ, 1948, №5 стр.7

⁹⁴ Усенко Е.Т. Теоретические проблемы соотношения международного и внутригосударственного права, Советский ежегодник международного права 1977, М., 1979, стр.83

ле вторичный, производный характер. По существу, коллизионная норма как таковая... санкционирует применение иностранного права в пределах конкретной национальной юрисдикции. Данное санкционирование имеет свою международно-правовую основу: «международную вежливость» в предшествующие века или принцип сотрудничества как общепризнанную норму международного публичного права в современном мире. Таким образом, указанное является предпосылкой коллизионных норм, а следовательно, и наличия в них публично-правового элемента. Ввиду этого говорить о том, что они регулируют «межгосударственные отношения» было бы неправомерно, так как в действительности подобный объект регулирования у рассматриваемых норм отсутствует - каждое государство выражает только свою волю в отношении согласия применять на своей территории в соответствующих условиях иностранный правовой порядок. Коллизионные нормы отражают, с одной стороны, существование различий и многообразие правовых систем государств, а с другой - взаимодействие национальных правовых систем государств».⁹⁵ Однако, принять в качестве обоснования гражданско-правовой сущности коллизионных норм историческую посылку Л.П.Ануфриевой о том, что «сама постановка вопроса в коллизионном аспекте возникла в глубине веков применительно к приспособлению римского права для целей регулирования так называемых международных обменов между лицами, а римское право, как известно, в том, что касается отношений между лицами, трактовалось как «частное» право - гражданское»⁹⁶, не представляется возможным именно по той причине, что Римская система права лишь формально декларируя наличие иностранного права, фактически его игнорировала, основываясь на тезисе превосходства Римского права над всеми прочими.

Представляется правильным вывод М.Н.Кузнецова о том, что «глубина и разнообразие современных частноправовых отношений и источников их регулирования несравненно богаче, чем это было в то время, когда сложилась господствующая в настоящее время формулировка коллизионной нормы. Не подлежит

⁹⁵ Ануфриева Л.П. Международное частное право: в 3-х т. Том 1 Общая часть: Учебник, М.: Издательство БЕК, 2002, стр.173

⁹⁶ Ануфриева Л.П. там-же, стр.172-173

сомнению, что в подавляющем большинстве случаев коллизийная норма отсылает именно к внутренней правовой системе государства. Однако развитие отдельных институтов МЧП, например института охраны результатов творческой деятельности, к настоящему времени существенно обогатило практику. Таким образом, правильнее дать определение коллизийной нормы как нормы права (национального или международного), указывающей на то, право какой страны или какое международное соглашение подлежат применению к данному правоотношению».⁹⁷

Л.А.Лунц, поддерживая «теорию маленького международного частного права», которая рассматривает МЧП исключительно как коллизийное право, считает, что включение в состав МЧП материально-правовых норм, непосредственно регулирующих отношения с иностранным элементом (специальных норм), может привести к полному стиранию границы между МЧП и гражданским правом. По его мнению специальные нормы не отражают существа МЧП, заключающегося в том, что «по всякому правоотношению с «международным» или «иностраным» элементом возникает «коллизийный вопрос», и коллизийная норма, разрешающая этот вопрос, не может быть заменена внутренней материальной нормой».⁹⁸

«Международное частное право традиционно отождествляют с коллизийным правом, не включая международных отношений, урегулированных неколлизийным методом. Но в более широком смысле международное частное право - это право, регулирующее международные отношения независимо от методов. Методов может быть множество, и ни один не должен исключать другой»,⁹⁹ считает М.Иссад. «Поскольку именно материальные нормы несут в себе конечный регулирующий эффект, было бы неверным полностью игнорировать их, ведя речь о нормативном составе МЧП»,¹⁰⁰ поддерживает этот вывод Л.П.Ануфриева.

С этими доводами можно согласиться, тем более, что современная россий-

⁹⁷ Кузнецов М.Н. Некоторые особенности развития международного частного права, Советский журнал международного права, 1991, №1, стр.27

⁹⁸ Лунц Л.А. Международное частное право, М., 1970, стр.26

⁹⁹ М.Иссад Международное частное право, М:Прогресс, 1989, стр.57

¹⁰⁰ Ануфриева Л.П. Международное частное право: в 3-х т. Том 1 Общая часть: Учебник, М.: Издательство БЕК, 2002, стр.88

ская доктрина исходит из того, что коллизионное право составляет наиболее сложную и весьма существенную часть МЧП, но коллизионными вопросами его содержание отнюдь не исчерпывается. «Специфика правового регулирования в области международного частного права определяется тем, что государство принимает специальное законодательство по вопросам внешнеэкономических связей, нормы которого не сливаются с другими нормами внутренней системы права, а носят обособленный характер. Эти нормы приняты исключительно для регулирования отношений с иностранным элементом. Специфика этих правил состоит в том, что они решают тот или иной вопрос по существу, содержат прямые материально-правовые нормы и не используют коллизионный метод».¹⁰¹

Для цивилистов Г.М.Вельяминова и М.И.Брагинского, полагающих, что специальные нормы суть часть гражданского права, вопрос о включении их в состав МЧП не встает в принципе. Такие нормы, по их мнению, являются одновременно и нормами, регулирующими правоотношения, относимые к определенной отрасли права, и (при наличии «иностранного элемента»), нормами, регулирующими МЧП. Г.М.Вельяминов предлагает «рассматривать такие нормы в качестве того, чем они формально и реально и являются - нормами различных отраслей нацио-

102

нального права и не более того».

Обосновывая данную точку зрения, он оспаривает выбор понятия «иностран- ный элемент» в качестве критерия для определения правоотношения как между- народного: «Реально ли считать, к примеру, международной сделкой приобрете- ние иностранцем в России в кредит, скажем, шубы, в том числе и в случае после- дующего выбытия иностранца за рубеж? С таким же успехом на месте этого ино- странца может быть и российский гражданин. И его переезд за рубеж превращает ли данное правоотношение в международное? В принципе и не столь важен точ- ный ответ. Главное в любом случае, что к таким и подобным правоотношениям, независимо от наличия иностранного элемента, всегда применимо не некое меж- дународное частное право, но всегда то или иное конкретное национальное право,

¹⁰¹ Богуславский М.М. Международное частное право: Учебник, М: Юристъ, 2002, стр.23

¹⁰² Г.М.Вельяминов Международные договоры в «международном частном праве» и его понятие, Госу- дарство и право, 2002 №8 стр.78

включая и соответствующие коллизионные и процессуальные нормы».¹⁰³

Этот вывод представляется дискуссионным, т.к. специальная норма регулирует только определенный вид общественных отношений, а именно отношений с наличием «иностранный элемент», которые образуют объект регулирования МЧП. Как же в этом случае они могут не включаться в его состав? «Подобного рода нормы могут быть принадлежностью только международного частного права ввиду, во-первых, специфики объекта, на который они воздействуют, и, во-вторых, самой сути содержащегося в них предписания - прямого правила поведения, применение которого обусловлено императивностью его характера».¹⁰⁴

Таким образом, следует согласиться с мнением М.М.Богуславского, что «в сферу международного частного права необходимо включить все нормы, регулирующие гражданско-правовые отношения с иностранным элементом. Так следует сделать потому, что определяющее значение имеет сам характер отношений, предмет регулирования, а не метод регулирования. Может применяться несколько методов, при этом ни один из них не исключает применения другого. Материально-правовой метод и коллизионный метод - это два способа регулирования отношений с иностранным элементом, причем наиболее совершенным является первый способ, при котором происходит непосредственное применение материальной нормы без обращения к коллизионной норме. Исходя из такого подхода, к международному частному праву должны быть отнесены материально-правовые нормы, унифицированные путем заключения международных соглашений».¹⁰⁵

Отнесение международных договоров и международных обычаев к числу источников МЧП порождает сложный вопрос о статусе этих норм в качестве источников. Одна группа ученых относит международные договоры и обычаи к числу источников права РФ. Другая говорит о непосредственном обязывающем воздействии международно-правовых норм на поведение субъектов внутреннего права без изменения их системной принадлежности. Третьи утверждают, что дей-

¹⁰³ Г.М.Вельяминов Международные договоры в «международном частном праве» и его понятие, Государство и право, 2002 №8 стр.79

¹⁰⁴ Ануфриева Л.П. Международное частное право: в 3-х т. Том 1 Общая часть: Учебник, М.: Издательство БЕК, 2002, стр.80

¹⁰⁵ Богуславский М.М. Международное частное право: Учебник, М: Юристъ, 2002, стр.21-22

ствие норм международного права в России невозможно без их трансформации во внутригосударственные правовые нормы.

В.Г.Вишняков, например, вообще полагает, что «международное право не способно регулировать внутригосударственные отношения».¹⁰⁶

Н.И.Матузов с одной стороны, совершенно справедливо указывает, что «международное право не входит ни в одну национальную систему права, поэтому ни одно государство не может считать его своим», а с другой - отмечает, что оно занимает особое (наднациональное) место» и утверждает, что в правовую систему РФ оно включается «не в полном своем объеме, а лишь в той мере, в какой выступает источником права страны и не противоречит ее национальным интересам».¹⁰⁷ Эти утверждения представляются ошибочными, т.к. они не только необоснованно относят международные договоры к внутригосударственным источникам права, но и выдвигают какие-либо дополнительные условия их осуществления на территории РФ.

Г.М.Вельяминов же по этому вопросу считает, что «договорная международно-правовая норма (например, из той или иной конвенции международного частного права, но в принципе из любого международного договора) применяется, только будучи реципированной (т.е. трансформированной - термин более узкий) в национальном правовом порядке. Норма эта становится также и внутригосударственной нормой, а по своему предмету - нормой конкретной отрасли национального права, например гражданского, причем действие ее распространяется в соответствующих случаях на правоотношения и внутригосударственных, и иностранных субъектов права. Однако при этом сохраняется и действительность как таковой международно-правовой нормы, идентичной по формулировке (но не по правовому значению) норме реципированной. Если, будучи реципированной в национальный правовой порядок, норма регулирует отношения национальных субъектов права, то международно-правовая норма как таковая продолжает регулиро-

¹⁰⁶ Вишняков В.Г. О соотношении норм международного и конституционного права (на примере Белоруссии и России), Журнал российского права, 2002, N 9, стр.12

¹⁰⁷ Теория государства и права: курс лекций (под ред. Матузова Н.И., Малько А.В.) 2-е изд., М., 2002, стр.410-411

вать межгосударственные отношения. ... В свете теории рецепции (трансформации) можно, очевидно, понимать, что, будучи реципированными, международно-правовые нормы становятся частью национального законодательства. Тем самым подкрепляется концепция национального характера международного частного права в его цивилистическом понимании».

В свете теории рецепции природа международно-правовых норм представляется дуалистичной. С одной стороны такие нормы «сохраняют все изначальные свойства норм международного права, и к ним применимы все общие нормы (принципы) этого права. С другой стороны, они, будучи реципированы в национальные правовые порядки, действуют в качестве национальных норм, но нормы «автономных», «связанных», иммунных (однако нельзя сказать, что необратимо «иммунных») от произвольных изменений национальными властями».¹⁰⁹

Однако, замечая «автономное» положение таких норм Г.М.Вельяминов делает следующий вывод: «Так называемые конвенции международного частного права и подобные договоры и акты имеют своим обычным предметом унификацию или установление конкретных материальных норм частного права, а коллизионное право служит не более, чем довольно функционально узким средством определения того или иного применимого национального материального права и не более того».¹¹⁰

Противоположную позицию по данному вопросу занимает С.Ю.Марочкин, который считает, что «нормы международного права в рамках правовой системы РФ не становятся нормами российского права, а источники международного права - источниками права российского. По своей природе эти нормы занимают особое положение в правовой системе РФ, функционируют наряду с российским правом, должны толковаться и применяться в свете целей и принципов международного права и конкретного договора. а не с точки зрения соответст-

¹⁰⁸ Вельяминов Г.М. Международные договоры в «международном частном праве» и его понятие, Государство и право, 2002, №8 стр.79

¹⁰⁹ Вельяминов Г.М. там-же, стр.80

¹¹⁰ Вельяминов Г.М. там-же, стр.80

вующих ориентиров внутреннего права».¹¹¹ Необходимо заметить, что данная позиция полностью соотносится с концепцией единой правовой системы.

Судья Конституционного Суда РФ, О.И.Тиунов также считает, что «определенная часть международно-правовых норм посредством общей инкорпорации введена в правовую систему России, что, в частности, закрепляет возможность их непосредственного использования и применения во внутригосударственных отношениях. В то же время санкционирование внутригосударственным актом - Конституцией РФ - введения норм международного права во внутригосударственные отношения не ликвидирует значения этих норм как международно-правовых установлений, воплощенных, в частности, в международных договорах Российской Федерации. В связи с этим на них распространяются положения права международных договоров относительно действия договоров во времени, в пространстве, применительно к наступлению определенных обстоятельств (разрыв дипломатических отношений, начало военных действий, ситуация, связанная с оговоркой о неизменных обстоятельствах, и т.д.). На инкорпорированный международный договор продолжают распространяться и те правила толкования, которые обычно применяются при толковании норм международного права.

Таким образом, международно-правовые нормы, введенные во внутригосударственную правовую систему, не меняют своего качества и продолжают также оставаться частью системы норм международного права. Однако процесс осуществления этих норм, порядок их имплементации регулируются в данном случае нормами внутригосударственного права, если иное не определено международным договором государства».¹¹²

Разногласия по поводу системной принадлежности международных договоров и обычаев, очевидно, вызваны различным толкованием п.4 ст.15 Конституции РФ, который гласит: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной ча-

¹¹¹ Марочкин С.Ю. Материальные и процессуальные вопросы применения норм международного права в судебной практике, Российский юридический журнал, 2003, №1 стр.43

¹¹² Тиунов О.И. Решения Конституционного Суда РФ и международное право, Российская юстиция, № 10, октябрь 2001 г., стр.14

стью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Употребленный термин «правовая система» отнюдь не идентичен понятию «система права» или «законодательство», и, как следствие, приводит к вопросу о разграничении понятий «правовая система России» и «международная правовая система».

Высказываясь по данному вопросу, Е.Т.Усенко подчеркнул, что «правовая система» - это научное понятие, нормативно не урегулированное и поэтому едва ли уместное в Конституции».¹¹³

«Термин «правовая система» - считает И.И.Лукашук, - использован для того, чтобы избежать приравнивания всех международных норм к законодательству. В отличие от законодательства в правовой системе страны международные нормы могут занимать различное положение».¹¹⁴

А.Н.Талалаев дал следующее определение термина правовая система: «Это сложный, спаянный жесткими экономическими связями, отличающийся многоуровневым характером и иерархическими зависимостями комплекс. Введение в национальную правовую систему новых правовых феноменов, каким является для нее международное право, неизбежно, поэтому должно быть связано с новым этапом ее развития, с правовым процессом, который охватывает не только собственно национальное (внутригосударственное) право, но и все элементы правовой системы, включая применение права, правосудие и правовое сознание».¹¹⁵

«Правовая система - широкое понятие, включающее в себя множество элементов. Причем система права - лишь один из них. Другими элементами правовой системы являются правосознание, акты применения права, правоосуществление в целом», - считает Т.Н.Нешатаева. «Широкое понимание правовой системы, не сводящее ее к юридическим нормам, вполне оправдано в силу того, что оно по-

¹¹³ Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и российская Конституция, Московский журнал международного права, 1995, №2, стр.18

¹¹⁴ Лукашук И.И. Конституция России и международное право, Московский журнал международного права, 1995, №2, стр.32-33

¹¹⁵ Талалаев А.Н. Соотношение международного и внутригосударственного права и Конституция Российской Федерации, Московский журнал международного права, 1994, №4, стр.4

зволяет избежать узкого, нормативистского подхода при исследовании правовых явлений, увидеть связь права с социальными структурами общества, понять механизм их взаимодействия и взаимовлияния».¹¹⁶

«Вряд ли «узкое» понимание международно-правовой системы как системы норм или суживание ее до рамок собственно права адекватно отражает ее действительное содержание, так же как оно вряд ли поможет адекватной оценке места и роли норм международного права в правовой системе РФ... Само право, его система - основополагающее начало правовой системы, но именно начало. Правовая система гораздо шире, она охватывает все правовые стороны жизни. Такой подход к правовой системе, выработанный в общей теории - характеристика ее как «всего правового» - в принципе, пригоден к международно-правовой системе».¹¹⁷

Делая вывод из сказанного по вопросу системной принадлежности международных договоров и обычаев, можно согласиться с точкой зрения Б.Л.Зимненко, который считает, что «международно-правовые нормы, включая договорные нормы, являются элементом именно правовой системы России, а не системы национального законодательства. Отсюда вытекает очень важный практический вывод, заключающийся в том, что включение норм международного права в правовую систему России не означает того обстоятельства, что международно-правовые нормы становятся внутригосударственными нормами».¹¹⁸

¹¹⁶ Нешатаева Т.Н. К вопросу о правовых системах, регулирующих международные отношения, Российский ежегодник международного права.1993-1994. СПб, 1995, стр.49

¹¹⁷ Марочкин С.Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень, 1998, стр.13-14

¹¹⁸ Зимненко Б.Л. Международные договоры в судебной системе Российской Федерации, Московский журнал международного права, 1999, №2, стр.104-105

3 Место международных договоров и общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе РФ

3.1 Международные договоры в правовой системе РФ

Вопрос системной принадлежности международных договоров и общепризнанных принципов и норм международного права носит не только сугубо теоретический характер, из него вытекает очень важный для практического применения вывод об иерархии правовых норм в правовой системе РФ и прежде всего вопрос о применимой норме в случае коллизии между Конституцией РФ и международным договором. Возникновение такого вопроса обусловлено тем, что текст п.4 ст.15 Конституции РФ однозначно определяет примат международных договоров над внутригосударственными законами, но ведь Конституция РФ также является законом, пусть и особым (основным).

В.В.Лазарев считает, «что в этом случае действует правило о высшей юридической силе Конституции, ибо международные договоры являются составной частью правовой системы государства, а в рамках этой системы нет актов, которые по своей юридической силе стояли бы выше Конституции. В связи с этим в ст. 22 Федерального закона от 16 июня 1995 г. (15 июля 1995 г.) N 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» предусмотрено, что в случае, если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию или пересмотра ее положений в установленном порядке».¹¹⁹

«Конституционный акт по своей природе обладает большей юридической силой, чем международный договор. Международные договоры не обладают учредительной силой по созданию государств, на их основе могут быть созданы

¹¹⁹ Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации (отв. ред. В.В.Лазарев) - система ГАРАНТ, 2003 г.

только международные организации, а не государства»,¹²⁰ - считает В.Г.Вишняков. В обоснование своей точки зрения он приводит следующий довод: «Ратифицировать можно только международный договор, а не учредительный акт, принятый на референдуме. Законы, ратифицирующие международные договоры, не могут быть выше этих актов. Разного рода процедуры по их согласованию и утверждению есть узурпация воли народов, воли учредительной власти. Во избежание такой узурпации надо предусматривать процедуры, способствующие наиболее полному выражению воли народов».¹²¹ Такая позиция представляется спорной, т.к. принцип абсолютного верховенства конституции становится все менее совместимым с развивающимся международным правопорядком в котором национальный интерес может быть обеспечен только лишь «во взаимосвязи с общими интересами, значение которых становится все более определяющим».¹²²

Тем не менее позиция обосновывающая примат конституции над международными договорами РФ имеет большое количество сторонников. Так, В.И.Андрианов полагает, что «важное значение для определения места международных договоров в российской правовой системе имеет норма ст. 22 Закона о международных договорах, согласно которой если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции, то решение о согласии на его обязательность для России возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию или пересмотра ее положений. Тем самым гарантируется юридический статус Конституции как нормативного акта, обладающего высшей юридической силой. Из этого можно заключить, что в российской правовой системе международный договор, устанавливающий не соответствующее закону правило поведения, можно поместить между федеральными и федеральными конституционными законами».

¹²⁰ Вишняков В.Г. О соотношении норм международного и конституционного права (на примере Белоруссии и России), Журнал российского права, 2002, N 9, стр.18

¹²¹ Вишняков В.Г. там-же, стр.21

¹²² Лукашук И.И. Мировой поярдок XXI века, Международное публичное и частное право, 2002, №1, стр.5

¹²³ Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации (под общ. ред. В.Д. Карповича) - М.:Юрайт-М; Новая Правовая культура, 2002, стр.47

Иным образом располагаются источники права в соответствии с абз.4 ст.3 и п.3 ст.5 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (с изменениями от 15.12.2001 г., 04.07.2003 г.): Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ, конституции (уставы) субъектов РФ, законы субъектов РФ.

С точки зрения М.Пацация система источников права РФ должна выглядеть следующим образом: «На первом месте должна стоять Конституция РФ (ч. 2 ст. 4, ч. 1 ст. 15). На втором месте - федеральные конституционные законы. Юридическим основанием подобного вывода является ст. 108 Конституции РФ, согласно которой установлен особый порядок их принятия: путем одобрения большинством не менее трех четвертей голосов от общего числа членов Совета Федерации и не менее двух третей голосов от общего числа депутатов. Это имеет «статусное» значение, поскольку согласие на обязательность международных договоров, содержащих иные правила, чем российское законодательство, дается путем принятия федерального закона-акта, уступающего по юридической силе федеральному конституционному закону. Третье место в иерархии права, применяемого российскими судьями, занимают международные договоры РФ, согласие на обязательность которых дано Российской Федерацией в форме федерального закона. ...На четвертом месте - федеральные законы. Затем идут международные договоры РФ межправительственного характера и иные нормативные акты, в том числе, Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, органов власти субъектов РФ».¹²⁴

Примечательно, что в обоснование своей позиции М.Пацация также приводит закрепленный в Конституции общепризнанный принцип международного права - принцип суверенитета государства.

Рассмотренные выше точки зрения на проблему коллизии Конституции РФ и международных норм имеют одну общую основу - включение международных договоров и общепризнанных принципов и норм международного права в систе-

¹²⁴ Пацация М. Судья на перепутье, эж-ЮРИСТ, 2004, №23, стр.4

му права РФ. Именно это утверждение логически приводит к поискам обоснования примата Конституции над международными нормами. При этом, если рассматривать международные договоры с точки зрения их принадлежности к правовой системе РФ, но к системе права международного, то данная проблема сводится к коллизии норм международного и внутригосударственного права, а с этой точки зрения обязательства, принятые на себя государством при заключении международного договора однозначно приоритетны перед внутренними нормами самого государства, т.к. ни одно государство не существует обособленно и признание внутригосударственных норм высшим правом государства может привести к игнорированию интересов других государств.

«Многие конституции зарубежных стран не допускают приоритета норм международного права над нормами внутреннего права - утверждает В.Г.Вишняков. - При этом выработана четкая и принципиальная позиция: международные договоры регулируют отношения между государствами, то есть между субъектами международного права, а нормы внутреннего права - отношения между субъектами внутригосударственного права».¹²⁵

Более детальное рассмотрение данного вопроса не позволяет согласиться с этим категоричным утверждением. «Установление принципа равенства закона и договора дает возможность отменять ранее заключенный договор последующим законом. Это положение в Американском праве было распространено и на нормы общего международного права. В доктринальной кодификации Американского института права говорится: «Закон Конгресса превалирует над ранее принятой нормой международного права или положением международного соглашения как нормой права Соединенных Штатов...». Это положение было воспроизведено и подтверждено Верховным Судом в 1988 г. по делу, связанному с представительством Организации освобождения Палестины при ООН. Американская правовая система, как и большинство правовых систем других государств, исходит из признания примата конституции над всеми иными нормами, включая и те, что своим

¹²⁵ Вишняков В.Г. О соотношении норм международного и конституционного права (на примере Белоруссии и России), Журнал российского права, 2002, N 9, стр.17-18

возникновением обязаны международному праву. Вместе с тем это положение доводится до явно беспрецедентных пределов. В упоминавшейся кодификации Американского института права говорится: «Действуя в пределах своих конституционных полномочий, Президент может обладать по Конституции властью совершать такие действия, которые представляют нарушение международного права Соединенными Штатами». Как видим, признание абсолютного примата конституций над международным правом порождает весьма серьезные проблемы».¹²⁶

В этой связи «заслуживает внимания позиция японского правительства по вопросу о соотношении Конституции и международного права. По его мнению, одни договоры подчинены Конституции, а другие обладают перед ней приоритетом. К первым относятся двусторонние политические и экономические договоры; ко вторым - договоры, содержащие «принятые нормы международного права», и договоры, которые касаются «вопросов жизненно важного значения для судьбы государства, такие как акт о капитуляции или мирный договор».¹²⁷

Судья Конституционного Суда РФ О.И.Тиунов подчеркивает, что «общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации имеют преимущество перед национальными законами в случае противоречия международных норм и законов государств».

128

Так, например, Верховный Суд РФ в постановлении N 8 от 31.10.1995 г. указал, что «при рассмотрении дела суд не вправе применять нормы закона, регулирующего возникшие правоотношения, если вступившим в силу для Российской Федерации международным договором, решение о согласии на обязательность которого для Российской Федерации было принято в форме федерального закона, установлены иные правила, чем предусмотренные законом. В этих случаях применяются правила международного договора Российской Федерации. При этом судам необходимо иметь в виду, что в силу п.3 ст.5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» положения официально опубли-

¹²⁶ Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации, Журнал российского права, 2002, N 3, стр.122

¹²⁷ Лукашук И.И. там-же, стр.124

¹²⁸ Тиунов О.И. Конституционный Суд Российской Федерации и международное право, Российский ежегодник международного права, 1995, стр.181

кованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. В иных случаях наряду с международным договором Российской Федерации следует применять и соответствующие внутригосударственные правовые акты, принятые для осуществления положения указанного международного договора».¹²⁹

При разрешении спора, вытекающего из внешнеэкономической сделки, регулируемой по соглашению сторон российским правом, но отношения по которой попадают под действие международного договора, участником которого является Российская Федерация, Арбитражный суд разъяснил следующее: «Российское акционерное общество обратилось в арбитражный суд Российской Федерации с иском к болгарской фирме. Между российским акционерным обществом и болгарской фирмой был заключен договор поставки. В соответствии с условиями договора болгарская сторона обязалась поставить партию парфюмерно-косметической продукции. Ассортимент товара был определен специальным протоколом, являвшимся неотъемлемой частью договора, и отступления от согласованного перечня в одностороннем порядке не допускались. Оплата товара должна была быть произведена после его приемки по количеству и качеству покупателем. Актом приемки товара было установлено, что болгарская сторона нарушила условия протокола, в одностороннем порядке изменив ассортимент парфюмерной продукции. На требование покупателя заменить товар на товар, согласованный в протоколе, продавец ответил отказом. Истец, излагая обстоятельства дела, ссылался на нормы Гражданского кодекса Российской Федерации. Ответчик же обосновывал свои возражения на основе положений Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (1980).

При разрешении данного спора по существу арбитражный суд учитывал следующие обстоятельства: сделка совершена между участниками, предприятия которых находятся в разных государствах, то есть ее можно охарактеризовать как внешнеэкономическую; стороны выбрали в качестве применимого права россий-

¹²⁹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. N 1. стр.3

ское право; пунктом 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, это же положение закреплено в пункте 1 статьи 7 Гражданского кодекса Российской Федерации. Это означает, что международные договоры входят в систему действующего российского законодательства; Россия и Болгария - участники названной Конвенции; выбор сторонами российского права в качестве права, регулирующего их отношения по сделке, означает выбор российской правовой системы, а не отдельных законов, регулирующих соответствующие отношения сторон. Исходя из изложенного, арбитражный суд применил нормы международного договора. В случае же, когда спорные вопросы не урегулированы международным договором, суд применяет нормы внутригосударственного российского гражданского права, в том числе нормы Гражданского кодекса Российской Федерации».

В.В.Лазарев по этому вопросу справедливо замечает, что «противоречие между международным договором и внутренним законодательным актом не влечет автоматического признания ничтожности последнего. Этот акт лишь не применяется в целом или в части, противоречащей договору, хотя и продолжает действовать. Следовательно, для юридической дисквалификации этого акта или его части необходимо соблюдение обычной конституционной процедуры: нужно отменить этот акт уполномоченным на то органом или признать его неконституционным решением Конституционного Суда, что влечет утрату этим актом юридической силы».

Представляется верным вывод Б.Л.Зимненко о том, что «нормы международного права по отношению к правилам, сформулированным в национальном законодательстве, носят специальный характер и позволяют отменить положения закона, не соответствующие международному договору. Понятие «отмена» носит как относительный, так и абсолютный характер. Если регулирующее воздействие

¹³⁰ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.02.1998 г. N 29 «Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц», п.7, Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 1998, N 4, стр.46

¹³¹ Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации (Отв. ред. В.В.Лазарев) - Система ГАРАНТ, 2003 г.

договора направлено на международные отношения негосударственного характера (отношения с «иностранным элементом»), то правила договора необходимо рассматривать как специальную норму, а правила закона - как общую. В силу общего принципа права специальная норма отменяет общую: «*lex specialis derogat lex generalis*». Здесь можно говорить об относительной отмене. Однако если участники международного договора решили распространить регулирующие свойства положений, содержащихся в таком соглашении, на внутригосударственные отношения, то в этой ситуации правила договора отменяют правила закона, которые не подлежат применению в дальнейшем ни при каких условиях. В этом случае имеется в виду абсолютная отмена».¹³²

Следует также отметить, что нарушение или неправильное применение норм международных договоров равно как и иных норм материального или процессуального права является основанием к изменению или отмене судебного акта. Например, ОАО «Центральный рынок» обратилось в Арбитражный суд Оренбургской области с иском о взыскании задолженности по арендной плате с филиала N 1 Болгаро-русского товарищества, зарегистрированного в Болгарии. Решением суда иск был удовлетворен. Рассматривая данное дело в порядке надзора, Высший Арбитражный Суд РФ, отменив вышеуказанное судебное решение, подчеркнул, что «вручение документов участнику арбитражного процесса производится в порядке, предусмотренном международными договорами с участием Российской Федерации. Договор о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенный между СССР и Народной Республикой Болгарией 19 февраля 1975 г., продолжает действовать до настоящего времени. Согласно п.4 Договора Договаривающиеся стороны оказывают друг другу правовую помощь в совершении отдельных процессуальных действий. В частности, правила вручения документов, установленные пп.3, 8 и 9 Договора, предусматривают направление судебных документов, в том числе извещений о принятии спора к рассмотрению российским арбитражным судом, через Минюст России и Министерство юстиции

¹³² Зимненко Б.Л. Международное право в судебной практике России: конституционное правосудие, Российская юстиция, 2004, №1, стр.10

Болгарии для вручения иностранному участнику спора. Между тем в деле отсутствуют доказательства надлежащего извещения иностранного лица о предстоящем судебном разбирательстве. Уведомление было направлено только в адрес филиала иностранного юридического лица, хотя данный способ извещения является дополнительным, а не основным. Болгарская сторона была лишена возможности участвовать в судебном разбирательстве, высказать свое мнение о возможности рассмотрения спора в российском суде и, таким образом, защищать свои права и интересы. При таких обстоятельствах решение, вынесенное в отсутствие другой стороны, не извещенной надлежащим образом о времени и месте слушания дела, является незаконным и подлежит отмене».¹³³

На этот факт также указывает и Верховный Суд РФ: «При осуществлении правосудия суды должны иметь в виду, что по смыслу части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, статей 369, 379, части 5 статьи 415 УПК РФ, статей 330, 362-364 ГПК РФ неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта».

Кроме вышесказанного, также необходимо обратить внимание на вывод ВС РФ о том, что «международные договоры являются одним из важнейших средств развития международного сотрудничества, способствуют расширению международных связей с участием государственных и негосударственных организаций, в том числе с участием субъектов национального права, включая физических лиц. Международным договорам принадлежит первостепенная роль в сфере защиты прав человека и основных свобод. В связи с этим необходимо дальнейшее совершенствование судебной деятельности, связанной с реализацией положений международного права на внутригосударственном уровне».¹³⁵

¹³³ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 февраля 2001 г. N 4460/99, Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 2001, N 6, стр.49-51

¹³⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. N 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации", Российская газета от 2 декабря 2003 г., N 244

¹³⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. N 5

3.2 Общепризнанные принципы и нормы международного права и правовая система РФ

Еще одним, не менее спорным вопросом является установление применимых в качестве общепризнанных определенных принципов и норм международного права. Основанием для разногласий в данном случае послужил также и тот факт, что в тексте ст.15 Конституции РФ российский законодатель не предусмотрел приоритета общепризнанных принципов и норм международного права над законом Российской Федерации. Такой приоритет установлен только в отношении международных договоров Российской Федерации. «В этой связи, - считает И.Б.Борисов, - нельзя согласиться с расширительным толкованием данной статьи некоторыми российскими учеными, несмотря на безусловную желательность указанного примата общепризнанных принципов и норм».¹³⁶

Существует мнение о возможности применения таких норм в ограниченных случаях в качестве обычаев делового оборота при отсутствии иных регулирующих норм: «Что касается общепризнанных принципов и норм международного права, то они не имеют самостоятельного места в иерархии права и применяются субсидиарно к нормам международных договоров в тех случаях, например, когда последние содержат пробелы в правовом регулировании».¹³⁷

Эту позицию невозможно считать достаточно обоснованной, т.к в данном случае непонятно, почему императивные нормы международного права обладают в правовой системе страны более низким статусом, чем договоры? Представляется более правильным построение рассуждений на основе того, что добросовестное соблюдение норм международного права всеми органами государства является одним из основополагающих принципов построения правового государства.

Однако В.В.Лазарев, например, считает что «недопустимо, ссылаясь на общие принципы права, обходить Конституцию и закон, поскольку это привело бы к размыванию конституционных функций и лишало бы Конституцию рационали-

¹³⁶ Борисов И.Б. Соотношение норм международного и внутригосударственного права в вопросах избирательного процесса, Журнал российского права, 2002, N 4, стр.108

¹³⁷ Пацация М. Судья на перепутье, эж-ЮРИСТ, 2004, №23, стр.4

зирующего и стабилизирующего воздействия на организацию и функционирование государственно-организованного общества. Отсюда также следует, что признание общепризнанных принципов и норм международного права частью правовой системы Российской Федерации не превращает их в масштаб оценки законов и иных правовых актов, принимаемых в Российской Федерации. Таким масштабом всегда остается Конституция».

138

Данное утверждение представляется спорным. В этой связи следует согласиться с мнением Б.Г.Бояршинова о том, что «в настоящее время не существует договоров, в которых участвовали бы все государства, а для не участвующего в договоре государства его положения не имеют силы. Значение общепризнанных принципов и норм международного права состоит именно в том, что они создаются международным сообществом в целом и становятся обязательными для всех государств».

139

Необходимо отметить, что «во многих государствах признается действие международной нормы на территории государства *proprio vigore*, то есть собственной юридической силой. В частности, в Англии действует принцип, сформулированный Блекстоном: «Международное право есть часть права страны». Этому же принципа придерживаются США и многие другие «цивилизованные» (выражаясь языком ст.38 Статута Международного Суда) государства».¹⁴⁰

При рассмотрении запроса, касающегося проверки конституционности ст.44 УПК РСФСР и ст.123 ГПК РСФСР, Конституционный Суд РФ отметил, что «в соответствии со ст.ст.7, 8, 10 Всеобщей декларации прав человека, ст.6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод все равны перед законом и судом; каждый при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок, независимым и

¹³⁸ Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации (Отв. ред. В.В.Лазарев) - Система ГАРАНТ, 2003 г.

¹³⁹ Бояршинов Б.Г. Международные договоры в правовой системе Российской Федерации, Законодательство, 1997, N 4, стр. 59

¹⁴⁰ Борисов И.Б. Соотношение норм международного и внутригосударственного права в вопросах избирательного процесса, Журнал российского права, 2002, N 4, стр.107-108

беспристрастным судом, созданным на основании закона. Указанные положения, как относящиеся к общепризнанным принципам и нормам международного права, согласно ст.15 Конституции РФ являются составной частью правовой системы Российской Федерации».¹⁴¹

По делу о проверке конституционности положения ст.31 Закона СССР «О правовом положении иностранных граждан в СССР», Конституционный суд указал, что «права каждого человека, независимо от наличия у него гражданства, на свободу и личную неприкосновенность, а также на судебную защиту в случае задержания относятся к общепризнанным принципам и нормам международного права, которые в соответствии со ст.15 Конституции РФ являются составной частью правовой системы Российской Федерации».

Таким образом, при рассмотрении указанных вопросов Конституционный суд счел возможным и необходимым обратиться именно к общепризнанным принципам и нормам международного права, и подтвердил их значение и регулирующее воздействие на отношения с участием субъектов внутригосударственного права. Однако, необходимо признать, что на практике «в отношении общепризнанных принципов и норм международного права существует неопределенность, вызванная отсутствием в международном праве общего нормативного акта с их исчерпывающим перечнем. Это затрудняет отнесение к ним того или иного положения»,¹⁴³ - совершенно справедливо отмечают А.Кабалкин и Л.Санникова.

Трудность в применении принципов и норм международного права заключается в том, что основным источником их существования является обычай, то есть практика государств, признанная в качестве правовой нормы. Действующее российское законодательство не предусматривает механизмов определения, существует или нет в современном общем международном праве та или иная общепризнанная норма и, если существует, является ли она обязательной для Российской Федерации. Предлагается «В случае возникновения затруднений при толковании

¹⁴¹ Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, N12, ст.1459

¹⁴² Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, N 9, ст.1142

¹⁴³ Кабалкин А., Санникова Л., Глобализация правового пространства и новеллы российского гражданского законодательства, Российская юстиция, 2001, N 12, стр.17

общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации рекомендовать судам использовать акты и решения международных организаций, в том числе органов ООН и ее специализированных учреждений, а также обращаться в Правовой департамент Министерства иностранных дел Российской Федерации, в Министерство юстиции Российской Федерации (например, для уяснения вопросов, связанных с продолжительностью действия международного договора, составом государств, участвующих в договоре, международной практикой его применения)».¹⁴⁴

В теории международного права нет единого мнения о том, какие именно принципы и нормы являются общепризнанными по смыслу п. 4 ст.15 Конституции РФ. Разъяснение Пленума ВС РФ о том, что «под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо»¹⁴⁵ также не дает исчерпывающего ответа на поставленный вопрос. В данном случае только частично воспроизводится текст ст.53 Венской Конвенции о праве международных договоров, которая определяет, что: «императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер».¹⁴⁶

«Речь идет не о любой норме международного права, а лишь об императивных нормах, обладающих общеобязательным характером, - *jus cogens*. ... Исчерпывающего перечня норм, обладающих подобным императивным характером, международное право не дает. К ним, бесспорно, следует отнести лишь приведенные в Уставе ООН и в Декларации о принципах международного права 1970 г.

¹⁴⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. N 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации", Российская газета от 2 декабря 2003 г., N 244

¹⁴⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. N 5

¹⁴⁶ Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.), Ведомости Верховного Совета СССР, 1986 г., N 37, ст. 772

основные принципы международного права»,¹⁴⁷ - считает И.Н.Барциц. Т.е., к числу общепризнанных принципов в данном случае следует относить только императивные принципы международного права, облакаемые в правовую форму общим соглашением государств.

По этому вопросу существует и иная точка зрения, согласно которой под общепризнанными подразумеваются обычные нормы международного права. Этот вывод опирается отчасти на мнение Международного Суда ООН о том, что универсальные принципы и нормы, или принципы и нормы общего международного права действуют, как принципы и нормы обычного международного права. Согласно этому мнению, источником общепризнанных принципов и норм является исключительно международный обычай.

Вместе с тем, исходя из особенностей процесса становления норм международного права, справедливым представляется вывод о том, что общепринятые принципы и нормы международного права могут принимать как форму договора, так и форму международного обычая. Но для одних государств, являющихся участниками международного договора, эти принципы и нормы договорные, а для не участвующих в договоре государств они обязательны как нормы обычного международного права. Это полностью согласуется со ст. 38 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., устанавливающей, что статьи Конвенции, касающиеся обязательств стран, возникших на основании международных договоров «никоим образом не препятствуют какой-либо норме, содержащейся в договоре, стать обязательной для третьего государства в качестве обычной нормы международного права, признаваемой как таковая».¹⁴⁸

Ст. 38 Статута Международного Суда ООН также определяет, что источниками международного права являются: международные конвенции, как общие, так и специальные; международный обычай как доказательство всеобщей практи-

¹⁴⁷ Барциц И.Н. Международное право и правовая система России, Журнал российского права, 2001, N 2, стр.62-63

¹⁴⁸ Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.), Ведомости Верховного Совета СССР, 1986 г., N 37, ст. 772

ки, признанной в качестве правовой нормы; общие принципы права, признанные цивилизованными народами.

Также существует точка зрения, что нормативное содержание практически всех общепризнанных принципов и норм международного права находит закрепление в разнообразных международных актах, включающих, в частности, резолюции международных организаций, многосторонние международные договоры. Естественно, нельзя отрицать того, что в международном праве определенно действует немало многосторонних универсальных международных договоров как по числу участвующих в них государств, так и по своим целям, носящим глобальный характер. Именно такие международные договоры наряду с международным обычаем являются источниками норм общего международного права, универсальных принципов и норм международного права, хотя они и не содержат указаний на то, что закрепленные в них положения являются общепризнанными принципами и нормами международного права. В их числе можно назвать: Устав ООН, Венскую конвенцию о праве международных договоров 1969 г. (ВВС СССР, 1986, 10 сентября, N 37, ст. 772), Венскую конвенцию о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. (ВВС СССР, 1964, N 18, ст. 221), международные пакты по правам человека от 19 декабря 1969 г. (ВВС СССР, 1976, N 17, ст. 291), Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. (СЗ РФ, 1997, N 48, ст. 5493), другие, не менее важные многосторонние международные соглашения.

Некоторые принципы можно определить исходя из правоприменительной практики. И, хотя Закон о Конституционном Суде РФ не наделил Конституционный суд полномочием определять, является или нет та или иная норма частью общего международного права и способна ли она порождать права и обязанности у субъектов национального права, Конституционный Суд РФ ссылаясь при рассмотрении конкретных дел на нормы общего международного права тем самым определяет, какие нормы международного права являются частью правовой системы Российской Федерации.

Некоторые из подлежащих применению в правовой системе РФ принципов и норм международного права были прямо указаны Верховным Судом РФ: «Судам

при осуществлении правосудия надлежит исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права, закрепленные в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах), и международные договоры Российской Федерации являются в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой системы».¹⁴⁹

Законодательство РФ не делает различия между принципами и нормами международного права. Тем не менее, различия существуют: в решении по спору между США и Канадой о прохождении границы между ними в проливе Мэн Международный Суд ООН высказался о том, что слова «принципы и нормы» выражают одну и ту же идею, а именно: термин «принципы» означает правовые принципы, т.е. он «включает нормы международного права», и употребление термина «принципы» оправданно, поскольку речь идет о более общих и фундаментальных нормах.¹⁵⁰ Институт международного права (создан в 1873 в г. Гент, Бельгия) выяснил, что термин «принцип» в резолюциях ООН используется в различных значениях. Он употребляется как: правовой или неправовой принцип; норма более высокого или высшего порядка; норма, порождающая более конкретные правила; норма, важная для целей резолюции; цель, которую необходимо достичь; требование к юридической или иной политике; руководящее начало толкования.¹⁵¹

Необходимо также указать на различие общепризнанных норм международного права, которые являются частью правовой системы России в силу п.4 ст.15 Конституции РФ, и международных правил толкования торговых терминов, действующих как обычаи делового оборота и регулирующих отношения исключительно между коммерческими предприятиями в сфере внешней торговли. Арбитражные суды очень часто применяют, например, международные правила толкования торговых терминов Инкотермс-90, разработанные Международной торго-

¹⁴⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. N 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 1996 г., N 2, с.1

¹⁵⁰ Международное право. Учебник (под ред. Г.И. Тункина), М., 1994, стр. 106

¹⁵¹ Лукашук И.И. Нормы международного права., М.: СПАРК, 1997, стр. 93

вой палатой (см., например: Информационное письмо ВАС РФ N 29; Вестник ВАС РФ 1998 N 4; Вестник ВАС РФ 1997 N 6), которые по своей природе являются обычаями делового оборота в сфере международной торговли и применяются Арбитражными судами в соответствии с положениями российского законодательства, которое предусматривает возможность регулирования отношений между сторонами внешнеэкономического контракта также и с помощью обычаев делового оборота.

Заканчивая рассмотрение данного вопроса необходимо отметить, что именно общепризнанные принципы и нормы международного права, являясь, с одной стороны, источником международного публичного права, и, действуя непосредственно в правовой системе РФ, с другой стороны, являются одним из ярких доказательств формирования единой мировой правовой системы, основанной на согласованной воле государств.

Заключение

Подводя итоги, хотелось бы сказать следующее: происходящие глобализационные процессы и настоятельная необходимость развития международного права в качестве правовой основы формирующейся единой правовой системы отмечаются не только учеными. В одном из докладов Генерального секретаря ООН говорится: «Можно предполагать потенциальное создание общей международной правовой системы не для того, чтобы заменить национальные правовые системы, а для того, чтобы в определенных случаях служить центральным институтом демократического сотрудничества внутри государств и между ними».

Предвосхищая будущие тенденции к унификации и гармонизации частного права в Европе, которые нашли свое выражение уже в XX столетии, замечательный русский ученый Н.П.Иванов еще в 1865 г. писал, что «посредством трактатов между отдельными государствами: мало-помалу образуется даже единое частное гражданское право Европы: которое является жизненною потребностью европей-

152

ской гражданственности». Увеличение числа субъектов международных отношений не только за счет возникновения новых государств (в том числе возникших после распада СССР) и образования новых межгосударственных объединений, но и за счет признания в качестве субъекта международного права человека; учреждение Европейского суда по правам человека, Международного уголовного суда, происходящая во всем мире унификация права - все это шаги на пути образования единой правовой системы.

В связи с этим необходимо отметить, что «главное препятствие на пути формирования нового мирового порядка носит не объективный, а субъективный характер и состоит в том, что доминирующее политическое мышление существенно

153

отстает от требований времени». «Оправдание традиционных правовых моделей, выросших из устаревшего геополитического понимания мироустройства, а зачастую самоустранение юристов от осознания новых мировых реалий стано-

¹⁵² Цит. по: Абдуллин А.И. Об истоках международного частного права в России, Журнал российского права, 2003, №5, стр.148

¹⁵³ И.И.Лукашук Мировой порядок XXI века, Международное публичное и частное право, 2002, №1, стр.5

вится опасным и может затормозить включение России на равных в мировую глобализирующуюся систему»¹⁵⁴, - считает И.З.Фархутдинов. «Пока величие «внешней тени» лишь молчаливо признается, и по-прежнему за ней не видят новых тенденций в мировом развитии права, сближении, своего рода переплетении разных его граней, тогда как системное понимание содержания ч.4 ст.15 Конституции настойчиво диктует осовременить взгляд на эту проблему», - признает Ю.А.Тихомиров.¹⁵⁵

Все эти факторы еще раз подтверждают актуальность и необходимость исследования темы данной дипломной работы. Для достижения поставленной цели - выявления природы соотношения международного публичного и международного частного права - были исследованы научные работы Ладыженского А.М., Усенко Е.Т., Тихомирова Ю.А., Лукашука И.И., Вельяминова Г.М., Ануфриевой Л.П., Кузнецова М.Н., Богуславского М.М., Иссада М., Тиунова О.И., Талалаева А.Н., Нешатаевой Т.Н., Марочкина С.Ю., Зимненко Б.Л., Пацация М., Ерпылевой Н.Ю., Мартенса Ф.Ф., Лунца Л.А., Толстого Ю.К., Кудашкина В.В., Перетерского И.С., Крылова С.Б., Марченко М.Н., Вишнякова В.Г., Гаврилова В.В., Шумилова В.М., Каргополова С.Г., Юшкарева И.Ю. и др., рассмотрены документы ООН, модельные кодексы, международные договоры РФ, общепризнанные нормы и принципы международного права, международно-правовые обычаи, судебно-арбитражная практика разрешения споров по делам с участием иностранных лиц, Решения Конституционного суда РФ по вопросам применения общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ.

На основании изученных научных работ и документов можно сделать следующие обобщения:

во-первых - на основе объективных предпосылок в мире возникла настоятельная необходимость в единой регулирующей правовой системе. Основанием этой формирующейся глобальной правовой системы служит международное публичное право, признанные большинством государств его принципы и нормы;

¹⁵⁴ Фархутдинов И.З. Глобализация и геэкономика, Законодательство и экономика, 2004, №4, стр.20

¹⁵⁵ Тихомиров Ю.А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права, Журнал российского права, 2002, N 11, стр.3-4

во-вторых - международные частноправовые отношения имеют сложную природу: будучи производными от международных публично-правовых отношений, они практически регулируются государствами, как на основе взаимной договоренности, так и с использованием сложившихся в международном общении технических приемов, позволяющих в необходимых случаях привлекать национальные правовые системы. Это, однако, является не доказательством того, что международное частное право является внутригосударственным правом, а лишь свидетельством сложности и специфичности правовых приемов, применяемых государствами для регулирования международного общения на уровне международных частноправовых отношений.

На основе этого можно сделать вывод о том, что международное публичное и международное частное право - это составляющие единой правовой системы, но международное публичное право является его общей частью, а международное частное право - особенной.

Список используемых источников

Нормативные акты:

1. Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.)
2. Конституция РФ 1993 г.
3. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»
4. Гражданский кодекс РФ, часть 1 от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ
5. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»
6. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. №101-ФЗ «О международных договорах РФ»
7. Концепция внешней политики Российской Федерации, 2000 г.
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 6 февраля 2001 г. N 4460/99,
9. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 16.02.1998 г. N 29 «Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц»,
10. Постановление Пленума ВС РФ от 31 октября 1995 г. N 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»
11. Постановление Пленума ВС РФ от 10 октября 2003 г. N 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»

Монографии и учебники:

12. Ануфриева Л.П. Международное частное право: в 3-х т. Том 1. Общая часть: Учебник, М.:Издательство БЕК, 2002 - 288 с.
13. Международное публичное право. Учебник (под ред. Бекашева К.А.), М.: «Проспект», 2000 - 640 с.
14. Нешатаева Т.Н. Международное частное право, учебное пособие по спецкурсу, Пермь, 1991 - 90 с.
15. Теория государства и права: Учебник (под ред. А.И. Королева, Л.С. Явича) 2-е изд., Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1987
16. Теория государства и права: Учебник (под ред. А.М. Васильева), М.: Юрид.лит., 1983
17. Общая теория права и государства: Учебник, Под ред. В.В.Лазарева, М.: Юрист, 1994
18. Марченко М.Н. Теория государства и права, Учебник, М., 2001 - 756 с.
19. Богуславский М.М. Международное частное право: Учебник, М: Юрист, 2002 - 462 с.
20. Теория государства и права: курс лекций (под ред. Матузова Н.И., Малько А.В.) 2-е изд., М.: Юрист, 2002 - 776 с.
21. Международное право. Учебник под ред. Г.И. Тункина., М., 1994

22. Додонов В.Н., Панов В.П., Румянцев О.Г. Международное право. Словарь-справочник, под общей ред. акад. МАИ, д.ю.н. В.Н.Трофимова, М.: Инфра-М, 1997 - 368 с.
23. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития - надежда и драма современной эпохи, М.: Статут, 2000
24. Давид Р. Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности, М., Международные отношения, 1998 - 400 с.
25. Иссад М. Международное частное право, М: Прогресс, 1989 - 399 с.
26. Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации (под общ. ред. В.Д. Карповича) - М.: Юрайт-М; Новая Правовая культура, 2002 - 959 с.
27. Кузнецов М.Н. Международное частное право. Общая часть, М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1991
28. Лукашук И.И. Нормы международного права, М.: СПАРК, 1997
29. Лунц Л.А. Международное частное право, М.: Юрид.лит., 1970 - 357 с.
30. Марочкин С.Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации, Тюмень, 1998
31. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов (по изд. 1904 г.). т.1, М., 1996
32. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов (по изд. 1904 г.). т.2, М., 1996
33. Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. М.: Международные отношения, 1982 - 134 с.
34. Нешатаева Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М., 1998
35. Перетерский И.С., Крылов С.Б. Международное частное право, М., 1959
36. Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения, М.: Наука, 1976
37. Толстой Ю.К. К теории правоотношения, Л. : Ленинградский университет, 1959
38. Шумилов В.М. Международное экономическое право, М: Изд.ДеКА, 1999 - 400 с.

Статьи:

39. Абдуллин А.И. Об истоках международного частного права в России, Журнал российского права, 2003, №5
40. Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права, Журнал российского права, 2001, N 5
41. Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права (проблемы системной принадлежности и структурного статуса), Журнал российского права, 2001, №6

42. Барциц И.Н. Международное право и правовая система России, Журнал российского права, 2001, N 2
43. Борисов И.Б. Соотношение норм международного и внутригосударственного права в вопросах избирательного процесса, Журнал российского права, 2002, N 4
44. Бояршинов Б.Г. Международные договоры в правовой системе Российской Федерации, Законодательство, 1997, N 4
45. Вельяминов Г.М. Международные договоры в «международном частном праве» и его понятие, Государство и право, 2002, №8
46. Вишняков В.Г. О соотношении норм международного и конституционного права (на примере Белоруссии и России), Журнал российского права, 2002, N 9
47. Гаврилов В.В. Развитие концепции правовой системы в отечественной доктрине права: общетеоретический и международно-правовой подходы, Журнал российского права, 2004, №1
48. Горшкова С.А. Обращения Европейского Суда по правам человека к нормам международных конвенций, Журнал российского права, 2004, N 5
49. Ерпылева Н.Ю. Международное частное право России, Гражданин и право, 2002, №7
50. Закупень Т.В., Соболев С.Ю. Информация и ее правовое регулирование, Журнал российского права, 2004, N 1
51. Зимненко Б.Л. Международные договоры в судебной системе Российской Федерации, Московский журнал международного права, 1999, №2
52. Зимненко Б.Л. Международное право в судебной практике России: конституционное правосудие, Российская юстиция, 2004, №1
53. Кабалкин А., Санникова Л., Глобализация правового пространства и новеллы российского гражданского законодательства, Российская юстиция, 2001, N 12
54. Каргополов С.Г., Юшкарев И.Ю. Человек - субъект не только международного частного, но и международного публичного права, Международное публичное и частное право, 2002, №3(7)
55. Ковлер А.И. Европейское право прав человека, и Конституция России, Журнал российского права, 2004, N 1
56. Кудашкин В.В. Международные частные отношения - системные явления реальной действительности, Журнал Российского права, 2004, №5
57. Кузнецов М.Н. Некоторые особенности развития международного частного права, Советский журнал международного права, 1991, №1
58. Ладыженский А.М. К вопросу о юридической природе норм так называемого частного международного права, Вестник МГУ, 1948, №5

59. Лукашук И.И. Конституция России и международное право, Московский журнал международного права, 1995, №2
60. Лукашук И.И. Глобализация и государство, Журнал российского права, 2001, N 4
61. Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации, Журнал российского права, 2002, N 3
62. Лукашук И.И. Мировой порядок XXI века, Международное публичное и частное право, 2002, №1
63. Марочкин С.Ю. Материальные и процессуальные вопросы применения норм международного права в судебной практике, Российский юридический журнал, 2003, №1
64. Нешатаева Т.Н. К вопросу о правовых системах, регулирующих международные отношения, Российский ежегодник международного права 1993-1994, СПб, 1995
65. Пацация М. Судья на перепутье, эж-ЮРИСТ, 2004, №23
66. Рубанов А. А. Вопросы теории международных межправовых отношений, Советское государство и право, 1991, N 10
67. Талалаев А.Н. Соотношение международного и внутригосударственного права и Конституция Российской Федерации, Московский журнал международного права, 1994, №4
68. Тиунов О.И. Конституционный Суд Российской Федерации и международное право, Российский ежегодник международного права, 1995
69. Тиунов О.И. Решения Конституционного Суда РФ и международное право, Российская юстиция, 2001, N 10
70. Тихомиров Ю.А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права, Журнал российского права, 2002, N 11
71. Тихомиров Ю.А. Международно-правовые акты: природа и способы влияния, Журнал российского права, 2002, №1
72. Тихомиров Ю.А., Талапина Э.В. О кодификации и кодексах, Журнал российского права, 2003, №3
73. Усенко Е.Т. Теоретические проблемы соотношения международного и внутригосударственного права, Советский ежегодник международного права 1977, М., 1979
74. Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и российская Конституция, Московский журнал международного права, 1995, №2
75. Фархутдинов И.З. Глобализация и геοэкономика, Законодательство и экономика, 2004, №4
76. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации (Отв. ред. В.В.Лазарев) - Система ГАРАНТ, 2003 г.

В результате в основу внешней политики кладутся принципы международного права, что делает ее международно-правовой. Расширение конституционного регулирования взаимодействия международного и внутреннего права ведет к конституционализации международного права. В этом видится важный аспект конституционализации внешней политики путем закрепления ее принципов. Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации, Журнал российского права, 2002, N 3, стр.?

3. Развитие МЧП

3.1 Унификация и гармонизация источников МЧП

«В основании юридических международных отношений лежат два начала: начало государственной самостоятельности и начало взаимного общения наций. Самостоятельность есть выражение политической личности государства. Она заключает в себе понятие государственной независимости и служит конечной целью политического развития нации» Иванов Н.П. Основания частной международной юрисдикции, Казань, 1865, стр.19 , но в то же время «государство, которое стремится к отчуждению от всех других государств, есть всеобщий враг для человечества и недостойно самого имени государства». Иванов Н.П. Основания частной международной юрисдикции, Казань, 1865, стр.21 Иванов Н.П. Основания частной международной юрисдикции, Казань, 1865, стр. 54-55

3.2 Единое «мировое» сообщество

«То обстоятельство, что государство, являясь элементом международной системы в основном находится вне ее, подчеркивает необходимость изучения соот-

ношения международного и национального права как различных систем права. Входя в различные более широкие системы, являясь их регулируемыми подсистемами, они не могут образовать единую целостную систему...». Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права, М., Международные отношения, 1982, стр.23

«В настоящее время четко наметилась тенденция, когда человек (народ в целом) поднимается в числитель, а государство опускается в знаменатель. Сегодня они находятся как бы на одном уровне. Этому второму этапу становления человечности на земле соответствуют свои правовые измерения. В демократическом правовом государстве наступит 3-й этап, когда государство опустится в знаменатель, а человек, народ, общество будут в числителе». Каргополов С.Г., Юшкарев И.Ю. Человек - субъект не только международного частного, но и международного публичного права, Международное публичное и частное право, 2002, №3(7), стр.25

Профессор В.М.Шумилов считает, что глобальная правовая система обусловлена качественным единством между следующими правовыми явлениями, требующими особого регулирования:

- 1) отношения, охватываемые внутригосударственным правом, т.е. так называемые отношения частноправового характера с иностранным элементом;
- 2) отношения между государствами (и шире - между «публичными лицами»),

которые регулируются международным публичным правом;

3) отношения между частными лицами в тех вопросах, которые не регулируются ни внутренним, ни международным правом; в этом случае частные лица разных государств, будучи заинтересованными в обеспечении порядка, создают собственную автономную систему регулирования - нечто вроде международного права (это так называемое транснациональное право);

4) отношения в сферах наднациональной юрисдикции; такого рода отношения порождены глобальными проблемами и интересами и регулируются нормами, которые условно можно назвать наднациональным правом. Эти Наднациональные отношения возникают в случаях, когда государства должны или вынуждены подчиняться нормам, созданным и (или) вступившим в силу без согласия государства. Шумилов В.М. Глобализация мировой экономики и глобальная правовая система, Внешнеэкономический бюллетень, 2002, №8, стр.?

Основой такой глобальной правовой системы являются цели и принципы Устава ООН, которые доказали свой непереходящий и универсальный характер. Более того, «их возможности и способность вдохновлять возросли в условиях, когда государства и народы стали более взаимосвязаны и взаимозависимы».

«Хотя объективные факты и позитивное право, ...говорят о «сосуществовании» международного публичного и частного права, доктрина (не только западная, но и отечественная) иногда все же не отказывается от деления международных на «публичников» и «частников», равно как и самих договоров на таковые международного публичного и международного частного права. Вместе с тем подобное разграничение не может не вызвать возражений. Особенно ярко это противопоставление проявилось при анализе правоведами различных стран решения Международного Суда ООН по делу «Нидерланды против Швеции» (о применении Гаагской конвенции 1902 г. об опеке над несовершеннолетними). Судья Мореро Кинтана, затрагивая вопрос о соотношении рассматриваемых двух сфер права, писал: «Мы столкнулись с вторжением того, что может быть названо международным публичным правом, в вопрос о толковании международной конвенции.

И именно Суд как юридический орган должен разрешить этот вопрос. Произошло превращение международного частного права в международное публичное право, что позволяет Суду осуществить свои полномочия». На самом деле никакого «превращения» не происходит, поскольку международное соглашение в любом случае не прекращает быть договором международного права, даже если в его содержании находят отражение положения, в конечном итоге направленные на регулирование отношений между частноправовыми субъектами». Ануфриева Л.А. Международное частное право. Общая часть, учебник, М: Издательство БЕК, 2002, стр. 24-25

«демаркационная линия между международным публичным и международным частным правом пролегает не на рубеже таких источников права, как международный договор или международный обычай, - и в том и в другом случаях они являются источником как для МПП, так и для МЧП». Ануфриева Л.А. Международное частное право. Общая часть, учебник, М: Издательство БЕК, 2002, стр.26

(М4) Согласно Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. "участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения им договора:" (ст.27). Международный суд ООН считает, что является "основным принципом международного права то, что оно превалирует над внутренним правом государств"*(11). Обоснованность подобного положения едва ли может вызывать сомнения. При ином положении государство могло бы своим законом отменять для себя обязательную силу норм международного права и, следовательно, последнее перестало бы быть правом.

«Проблема объекта всегда стоит в качестве основной при определении факта, является или не является данная совокупность норм отраслью (или системой) права». Ануфриева Л.П. Международное частное право. Общая часть. Учебник, М., Издательство БЕК, 2002, стр.57

По нашему мнению, передача некоторых полномочий государствам наднациональным структурам не означает отрицания или сужения суверенных прав. Приоритет их власти сохраняется, причем переданные полномочия компенсируются приобретением так называемых общесистемных всеобщих полномочий. Радиус совокупного или совместного действия государств расширяется.(М4)

Углубление взаимосвязанности государств ограничивает их свободу выбора в области как внешней, так и внутренней политики. Для решения своих национальных и интернациональных задач государство нуждается в активном международном сотрудничестве. Политика государства в целом в растущей мере определяется его местом в международной системе. Глобали-

зация расширяет сферу функциональной ответственности государства и одновременно ограничивает его способность самостоятельно решать возникающие проблемы. В этом видится одно из основных противоречий современного государства. Единственный путь его преодоления - высокий уровень сотрудничества.(M18)

Это обстоятельство не первый год отмечается и на международных форумах. В принятой на Стокгольмской конференции 1991 г. Резолюции, в частности, говорилось: «Мы считаем, что подлинный интерес в новом глобальном порядке сотрудничества наших дней состоит в том, чтобы рационально убедить государства учредить систему глобального управления - конец фразы.